

DIGITAL BOOK

АНТОН ТЕКШИН ХЬЮСТОН! У НАС П...

ИДДК

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Alexander

Антон Викторович Текшин

Хьюстон! У нас п...

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49646758

Аннотация

Это сборник рассказов разных лет. Из него вы узнаете, на чём летают настоящие космодесантники, чем опасна эйфория, как будет выглядеть Земля спустя полвека после Апокалипсиса и до чего доводит излишнее увлечение играми.

Рассказы совершенно разные, но некоторые будут объединять некая общая тема. Особенно, конкурсные работы. Перед каждым произведением будет идти небольшая предыстория о том, как оно появилось на свет.

Приятного вам чтения!

Содержание

Хьюстон, у нас проблемы!	4
У Немезиды сегодня выходной	53
Эйфория	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Антон Текшин

Хьюстон! У нас п...

(Сборник рассказов)

Хьюстон, у нас проблемы!

ОТ АВТОРА: Это один из первых моих рассказов, написанный для почившего ныне портала РБЖ "АЗИМУТ", где в свое время можно было опубликовать свою работу и получить дельные отзывы от более опытных коллег.

Можно сказать, что именно с этого текста и начался мой писательский путь.

* * *

Я лежал, закинув руки за голову, и смотрел в потолок. Занятие, не блещущее разнообразием, но других в карцере не предусмотрено. В последнее время я только и делал, что спал или просто валялся на нарах, блуждая взглядом по неровностям стыков обшивки этого крохотного отсека.

Пожалуй, мне уже вполне под силу нарисовать каждый изгиб по памяти.

Жизнь вырулила на очередной виток, и вновь передо мной

встал выбор, что же делать дальше. В этот раз даже как-то слишком быстро – моя карьера в службе безопасности кончилась куда стремительней, чем служба в Космофлоте. Но сейчас я чувствовал только облегчение.

В армии все было просто, а главное – логично. Друзья спасли твою шкуру, а враги, соответственно, хотели ее всячески испортить. Здесь же, на забытой Богом станции, с логикой не дружили, прикрываясь защитой прав человека и прочей юридической чепухой. Что толку сутками выслеживать негодяя, если его через несколько сот часов отпустят? И пусть начальство сколько угодно твердит, что общественные работы являются исправительными, на самом деле они ничего не меняют.

Как может несколько часов мытья сортиров исправить насильника? Правильно – никак. Насильник сделает вид, что раскаялся, а сам будет думать, как в следующий раз полочнее обойти систему безопасности и остаться безнаказанным.

То ли дело – прогулка в открытом космосе! У нас он, кстати, начинается прямо у поверхности астероида, в котором мы живем и работаем. В неудобном защитном костюме прямо на голое тело, с минимумом обогрева и кислорода, и слабеньким маячком в придачу очень здорово парить в межзвёздном пространстве. Полетав пару часиков таким образом, любуясь на яркий газовый гигант и проплывающие мимо холодные глыбы, преступник возвращается на станцию другим человеком. Ручаюсь.

По крайней мере, мне не пришлось кого-то запускать дважды.

Никто в открытом космосе так и не пропал, но желающих совершить такую экстремальную экскурсию становилось всё меньше. Начальство осыпало меня проклятиями и выговорами, грозило понизить в должности, но продолжало терпеть. Так «*Ариадна*» понемногу становилась одной из самых безопасных станций на сотни парсеков вокруг, вплоть до того момента, пока я сам не загремел в изолятор. Интересно, сколько Старому Дьюку заплатили, чтоб он меня слил?

Размышления грубо прервал шум открывающегося гермозатвора, и в карцер заглянул розовощекий Линдсей.

– Эндрю, вставай! Шеф вызывает, – выпалил он с порога. – У нас проблемы!

Вообще-то, меня зовут Андрей Громов, но если обитателям станции удастся более-менее внятно произнести мою фамилию, то имя... Уж лучше буду Эндрю.

А то, что у них проблемы нарисовались, и так понятно – зачем еще Старому Дьюку посылать за мной? Если не ввали мои внутренние часы, выработанные за годы службы, следующий грузовоз должен прибыть только через четыре дня. А эти ребята никогда не торопятся.

– Ну, пойдем, раз зовёт, – я с трудом поднялся с нар. – А то я здесь уже скучать начал.

Апартаменты начальства находились выше всех, всего в километре от поверхности. Наверное, чтоб вовремя эвакуи-

роваться в случае чего непредвиденного.

Вообще, вся наша станция структурой напоминала старый добрый земной муравейник, по дикой прихоти природы оказавшийся наглухо замурованным в камень. Верхние ярусы занимала администрация, чуть ниже обосновалась служба безопасности, изоляторы и Арсенал. Далее шли служебные и жилые помещения, где народ проводил все своё недолгое свободное время. Под ними располагались машинные залы, склады и шахты, радиально расходившиеся в стороны от основного ствола станции.

Вся эта конструкция находилось внутри огромного астероида, вращающегося вокруг газового гиганта с неудобоваримым названием в системе Нью-Цефея. Космический булыжник был набит полезными ископаемыми под завязку, и станция приносила неплохой доход. Пару раз в месяц сюда наведывался грузовой корабль и забирал то, что наколупали честные труженики кайла и вагонетки, взамен оставляя продовольствие, инфо-кристаллы и прочую необходимую в быту ерунду.

Рабочая вахта здесь была долгая – около одного года, и на сверхсрочную никто не рвался. В основном здесь работали до потери сознания или сходили с ума от скуки...

Лифт вознес нас наверх за несколько секунд. Линдсей торопливо повел меня в конференц-зал, где нас ожидал Старый Дьюк. Собственной персоной.

Главе станции недавно стукнуло шестьдесят, но несмот-

ря на возраст, он по-прежнему любил предаваться всем грехам, когда-либо описанным в библии. Хотя чувство меры у старика присутствовало, этого не отнять. По правую руку от него сидел Уоррен – молодой сутулый человек, лицом напоминавший грызуна. Он выполнял обязанности зама главы и всё не мог дожидаться, когда Дьюк уйдет на пенсию. Кроме них за столом сидели ещё пятеро незнакомых мне гражданских, одетых в одинаковые комбинезоны. Все были бледны, как будто им объявили, что на астероиде закончился запас вольфрама с молибденом, и старались не смотреть друг на друга.

Место слева от Дьюка оставалось свободным – там обычно сидел Леонардо Праччи, наш глава службы безопасности и мой непосредственный начальник. Бывший.

Я кое-как уселся в свободное кресло и подпер подбородок скрипнувшим имплантатом. Армейские протезы никогда не славились качеством, в чём пришлось убедиться лично. Искусственная нога гнулась все хуже, а руку вообще пора уже выкидывать на свалку. Давно хочу их поменять, но для этого нужен хороший госпиталь, а главное – хорошие деньги. А с этим у меня вечные проблемы.

Дьюк оторвал взгляд от столешницы и тяжело вздохнул:

– Эндрю, у нас проблемы. Серьезные.

– Уже слышал, – кивнул я. – А можно поподробнее?

Глава неожиданно замялся, как девушка перед брачной ночью, и инициативу перехватил Уоррен.

– У нас захват заложников, – он сглотнул. – Весь жилой отсек и часть служебных помещений.

От такой новости я на миг даже забыл, что больше не работаю в службе безопасности.

– Вы называете ЭТО проблемой?! Это не проблема, а катастрофа! Где Леонардо?

Повисла ещё одна неловкая пауза.

– Леонардо тоже в заложниках, – пробормотал, наконец, Уоррен. – Как и вся штурмовая группа.

Сказать, что эта новость меня ошарашила, будет неуклюжей попыткой мне польстить. Еще пять минут назад я был уверен, что скорее на нашем астероиде появится атмосфера, чем кто-нибудь сможет захватить станцию. Мы, конечно, не космический Алькатрас, но и не курорт особо мягкого режима...

Уголовников, пусть и бывших, среди нашего контингента просто выше крыши.

– Как это вообще произошло?!

Тут в разговор вклинился один из гражданских – благообразный старик с окладистой седой бородой:

– Простите, это всё моя вина...

– А вы вообще кто?

– Профессор Эдвард Свонн, киберинженер.

На душе у меня заскребли кошки. Только бы я оказался неправ...

– Кто захватил заложников?

– Никто не ожидал, что так получится! – принялся оправдываться профессор. – Мы привезли экспериментальную группу новых биороидов... Хотели исследовать социализацию в рабочей среде, а ваша закрытая станция подходила как нельзя лучше...

Так, биороиды. Что-то я о них точно слышал, краем уха. Кажется, это долгожданное новое поколение роботехники – андроиды с живой плотью и электронным разумом.

– Вы привезли сюда испытывать боевых андроидов?! – я с трудом подавил в себе желание отправить этого милого экспериментатора полетать в открытом космосе.

Без скафандра.

– Что вы! – ученый замахал руками. – Наши биороиды – мирная рабочая версия!

– И как так получилось, что эти работяги оттяпали четыре пятых нашей станции?

– У них, видимо, произошел сбой, – снова включился в разговор Уоррен. – Они вдруг начали вести себя агрессивно, захватили несколько рабочих... Чен-Ли со своими людьми попытался нейтрализовать железяк, но безуспешно. Дроны быстро их разоружили и начали запираť людей в отсеках. Леонардо собрал всех штурмовиков, но роботы каким-то образом взломали защитную систему станции и загерметизировали группу в районе госпиталя. А затем задействовали Протокол...

У меня дыхание сперло.

– Какой?

– Всего лишь усыпляющий газ, – успокоил меня Дьюк. – Теперь у них есть ещё и штурмовое оружие.

Да, весело они тут время проводят. Стоило покинуть службу всего на пару недель...

– И что сейчас делают эти мирные рабочие биоройды?

Ученый покраснел и уставился в ребристый пол.

– Они связались с нами по внутреннему каналу, – Дьюк шумно засопел. – И потребовали нашу шлюпку. Слава Богу, мы успели наглухо закрыть ангар, там сейчас оставшиеся в строю патрульные в скафандрах, на всякий случай. Уровень выше госпиталя мы как могли заблокировали. Не знаю, надолго ли...

Вот как, роботы-террористы вместо роботов-рабочих? Что-то их сильно там закоротило.

В принципе, пусть забирают наше корыто, не больно-то и жалко его. Если смогут починить.

– Эндрю, это не все, – Дьюк вздохнул. – Ученых с роботами сопровождал боевой крейсер *«Пустынный ястреб»*. Он сейчас выше пояса астероидов, ждет следующее «окно». У них приказ уничтожить *«Ариадну»*, как только эвакуируется оставшийся на свободе персонал.

Нет, они меня добить решили! Это всё напоминает глупый розыгрыш...

– А штурмовать у них ума не хватает? – я почти кричал. – Там, внизу, почти десять тысяч человек погибнут ради

нескольких чертовых роботов?!

– Их спецы перехватили сообщение по гиперсвязи. Это были линнисийцы, целая ударная группа. Им нужны дроны, Эндрю. Примерно через десять часов они подойдут к поясу астероидов.

Линнисийцы – это серьезно. Такая орава легко справится с одиноким крейсером, силы слишком неравные. Но неужели за несколько лет наши вооруженные силы кто-то подменил? Стрелять по своим, чтобы сохранить разработки каких-то роботов... Это не наши методы, как бы ни были ценны эти «мирные» биоройды.

– Десантные боты спокойно пройдут сюда прямо сейчас, – возразил я. – На штурм время есть.

– Дроны захватили управление системой антигравитационных пушек на поверхности, – Уоррен устало пожал плечами. – Мы сейчас пытаемся прервать питание, но время работает против нас.

Теперь понятно, почему они сидят с такими лицами. Штурмовики не смогут подойти к астероиду, пока мы не обесточим антигравы, а это долгий процесс. Сталкиваться с соседними глыбами не входило в планы создателей станции и противометеоритной защите был дан высший приоритет. Тут может всё обесточиться и вымерзнуть к чертям, а пушки продолжают работать.

Дьюк положил на стол табельный пистолет и гарнитуру внутренней связи.

– Эндрю, у нас кроме тебя осталось несколько зеленых патрульных. Все остальные в заложниках...

– И по уставу должность исполняющего обязанности начальника службы безопасности за мной, – я сгреб пистолет и гарнитуру. – Если вы меня, конечно, восстановите.

– Уже восстановили, – Дьюк кивнул. – Эвакуацией мы займёмся сами, а ты... Сделай всё, что в твоих силах.

«Спаси наши задницы!» – так прозвучало бы вернее. Гибель нескольких тысяч сотрудников навсегда поставит клеймо на их карьере, и выше должности младшего оператора ассенизаторских систем им никуда уже не устроиться. Если, конечно, их не посадят махать виброкайлом где-нибудь на задворках галактики.

Я бы посадил.

– Когда «окно»? – нужно узнать, сколько у меня осталось времени.

– Через пять часов, и оно будет очень коротким.

«Окном» мы называем благоприятное расположение ближайших астероидов и другого космического мусора, позволяющее приблизиться к нам какому-нибудь крупному кораблю. И пусть наша «Ариадна» вращалась довольно далеко от основного скопления – почти на границе пояса – подлететь к ней без приключений было проблематично.

Времени мало, но оно есть.

– Док, пару слов о биороидах, – обратился я к ученому. – Чем они так хороши, что линниси́йцы за ними целую удар-

ную группу отправили?

– Это не просто андроиды, они – индивидуумы! – в его голосе послышались нотки гордости. – Мы совершили огромный прорыв в области создания искусственного интеллекта... Боюсь, мой рассказ будет слишком долг, а временем мы не располагаем. Главное, что вам нужно помнить – их разум не столько электронный, сколько биологический, и мало чем уступает человеческому, разве что немного в эмоциональном плане...

Ну вот и в чем смысл? Природа уже сотни тысяч лет, без всякой науки, создает мыслящих индивидуумов – людей. К чему клепать подобия?

– Как вы думаете, что могло послужить причиной такого агрессивного поведения?

Профессор покосился на своего кусающего губу коллегу.

– Наш эксперт утверждает, что виной всему инстинкт самосохранения. Биороиды считают, что им угрожает опасность...

У роботов. Инстинкт. Ещё немного и мой мозг преодолеет точку кипения.

– Запомните, биороиды намного быстрее человека, у них потрясающая реакция и мыслят они на много ходов вперед! – запутствовал меня горе-ученый, когда я уже покидал зал.

Мне меньше всего хотелось испытывать их реакцию и интеллект. Леонардо уже попробовал силовой метод, и что из

этого вышло?

В коридоре топтался смущенный Линдсей. Когда Дьюк селовал на «зеленых патрульных», он в первую очередь имел в виду именно его. Мальчишке едва перевалило за двадцать, он только закончил Академию, и «Ариадна» стала для него первым местом службы. Парень поглядел на пистолет и улыбнулся своей фирменной детской улыбкой.

– Какие будут приказы, сэр?

– Еще раз обратишься ко мне «сэр» – получишь в лоб протежом! – пообещал я.

Линдсей усердно закивал.

– Сколько операторов на месте?

– Ни одного, все заняты пушками!

Другими словами – готовятся к эвакуации, лихорадочно создавая слепую зону, чтобы улизнуть через неё с обречённого астероида. Что ж, хотя бы не будут мне мешать.

– Беги в карцер и освободи Алехандро. Альварес, который. Передай ему, что если он хотя бы частично не вернет под контроль систему безопасности к моему приходу – запрю его обратно и на эвакуацию пусть даже не надеется.

– Но он же... – начал было парнишка.

– Заключение? – перебил я. – Конечно, просто его мера наказания пересмотрена. На ближайшие несколько часов я тут царь, диктатор и божий помазанник. Выполняй!

Паренька как ветром сдуло. Вот что значит вбитая накрепко выучка...

Хмыкнув, я заковылял в наш центр связи.

Итак, как говорил мой знакомый химик-самогонщик, что мы имеем в сухом остатке? Линнисийцы на всех парах спешат сюда за роботами и командование решает стрелять по своим. С этим бредом смириться трудно, но приказ уже отдан. Кто-то из штаба хочет прикрыть свою толстую тыловую задницу? Вряд ли уничтожение целой станции смогут утаить от высшего командования, значит – оно в курсе. Если так, то здесь у нас явная провокация, которая может привести к очередной войне. Дьявол, мы от прошлой-то ещё не отошли...

Может, я и ошибаюсь, но, скорей всего, наши ученые опять изобрели какую-нибудь уберштуку, и всем не терпится испробовать её в деле. А тут, как назло, линнисийцы в последнее время вели себя смирно, занимаясь излюбленными клановыми разборками, пока не пожаловали сюда целой группировкой. И решили наши заскучавшие главнокомандующие разыграть небольшой гамбит, который даст им повод вновь утопить космос в крови.

А внизу сидят запертые десять тысяч человек, на них уже поставили крест и записали в потери. И самое поганое, что надеяться им надо сейчас не на вооружённые силы огромной звёздной державы, а на одинокого инвалида. Лишь одно в этой поганой ситуации сыграло в мою пользу – на *«Пустынном Ястребе»* летает мой давний знакомый...

С такими вот невеселыми мыслями я и вошел в центр свя-

зи. Заведовал им невысокий улыбчивый толстячок – Адонис Попандопуло. Он носился между блоками аппаратуры со скоростью, не свойственной его телосложению, постоянно что-то настраивая и поправляя.

– Хьюстон, у нас проблемы! – поприветствовал я его старой как мир поговоркой.

– Фу-у-ух, тебя-таки выпустили! – с облегчением выдохнул Адонис.

– Надолго ли? – пожал плечами я. – Есть связь с «*Ястребом*»?

– Конечно, – засуетился толстячок. – Сейчас соединю, один момент!

Воздух передо мной заколыхался, будто раскаленный, и перед моим взором возникло прекрасное женское лицо, обрамленное гривой густых каштановых волос.

– Привет, Мариночка, – поприветствовал я голограмму на русском. – А ты все хорошеешь!

– Громов, ты здесь откуда? – удивилась она.

– Меня выгнали из инструкторов, пришлось сюда приткнуться, в службу безопасности.

– Вижу, ты ничуть не изменился, – немедленно укорила она. – Мне сейчас меньше всего нужны твои комплименты.

– Ну, тогда к делу, – согласился я и рявкнул уже куда громче. – Какого дьявола у вас там с командованием творится?! Они что, таблетку от малярии принять забыли?

– Хватит острить, – усталым голосом попросила женщи-

на. – Я не в состоянии сейчас оценить твоё чувство юмора. У меня приказ уничтожить несколько тысяч человек, если ты не успокоишь этих чертовых роботов и не привезёшь их срочно на борт.

– У нас новая война на носу?

– Я не уполномочена обсуждать с тобой такие вопросы.

Значит – война. Какие же они там в штабе скоты...

– Начальству станции даже не заикайся, что знаешь меня, и о том, что я с тобой связался, хорошо?

– У тебя новый приступ паранойи?

– Нет, просто не хочу, чтобы они узнали, что мы...

– Довольно! – прервала она меня на полуслове. – Убедил. Даже слышать не хочу, что ты сейчас ляпнешь.

– Отлично, Мариша, а теперь напомни мне, где я служил, пока не потерял пятую часть тела?

Женщина поморщилась.

– Полковая разведка. Линнисийское приграничье.

– Очень хорошо, – кивнул я. – Раз ты такая осведомлённая, найди для меня всю имеющуюся информацию об этих чёртовых учёных, кстати, сколько вы нам сюда послали?

– Пятеро, как и роботов, и ещё техническая группа, они сейчас тоже в заложниках.

– Спасибо, что не двадцать, – съязвил я. – Также мне нужны досье всех, кто приехал сюда за последние пару месяцев.

– Зачем тебе все это? – удивилась она. – Твоя проблема – биороиды!

– Эх, Мариночка, – вздохнул я. – Вот поработаешь с мое в службе безопасности, и поймешь, что главная проблема – это люди. Всегда. И вообще, кто-то же напугал роботов.

– Это всё?

– Да, но напоследок я загадаю тебе загадку.

– Громов, клянусь, если ты выживешь, то весь обратный путь до базы ты у меня просидишь в изоляторе!

Ха, нашла чем испугать.

– Итак, Мариша, к вопросу о моей службе, – напомнил я. – Угадай, сколько раз мы перехватывали послания идущих на рейд линнисийцев? Рад был увидаться, конец связи.

Марина открыла было рот, но я уже отключился.

Вот так всегда, не видишь человека столько лет... А поговорить и некогда. Всё у меня вечно через одно место.

– Адонис, дорогой, ты ничего не слышал.

– Не слышал чего?

– Молодец, а теперь соедини меня с нашими искусственными террористами.

– Один момент!

Профессор не обманул, и на меня с интересом уставились вполне себе человеческие лица. Забавно.

– Здравствуйте, – сказала правое лицо. – Представьтесь, пожалуйста.

– Говорит начальник службы безопасности Громов! – рывкнул я в ответ. – Немедленно сложите оружие и отпустите заложников!

– Вообще-то человек с этой должностью сейчас спит, – недоверчиво произнесло правое лицо.

– Именно поэтому я временно исполняю его обязанности.

– Приятно познакомиться, мистер Громов, – вежливо поклонилось левое лицо. – И кстати, почему вы не в карцере?

– Скучно там, – признался я. – Может, теперь вы представитесь?

– Первый, – отозвалось правое лицо.

– Третий, – сказала левое.

– Дайте-ка угадаю, – предположил я, – остальных зовут Второй, Пятый и Восьмой?

– Почти угадали, – хмыкнул Третий.

Святые пришельцы! Инженерная мысль у создателей биоройдов была на высоте, а вот с фантазией явно туговато...

– У вас не имена, а порядковые номера, как на бытовой технике, – заявил я. – Первый-второй, по порядку рассчитайсь... Придется мне вас назвать, раз этим никто не озаботился.

Биороидам сравнение с бытовой техникой явно не понравилось. Надо же, они действительно проявляли эмоции! Значит, надо на эмоциональность и давить.

– Первый, ты будешь *Вежливость*, – окрестил я правое лицо. – А ты, Третий – *Доверие*.

– Странные имена... – задумчиво произнес *Вежливость*. – Но мне нравится.

– И мне, – согласился *Доверие*.

— Итак, раз мы познакомились, — начал я, — то какого чёрта вы здесь творите?!

— Простите, — извинился *Вежливость*. — Мы не хотели никому навредить. Никто серьезно не пострадал кроме человека, напавшего на нас.

— Так вы утверждаете, что на вас напали?

— Да, — подтвердил *Доверие*. — Он пытался убить Пе... *Вежливость*, когда мы собирались спуститься в шахту.

— Каким это, интересно, образом — гермошлемом по лбу стукнуть?

До спуска в шахту у рабочих даже виброкайла при себе нет, и угрожать роботам точно они не могли. Только матом обложить, разве что.

— Он пытался застрелить меня из пистолета, — заявил *Вежливость*.

«Надеюсь, игрушечного», — пронеслось в моей голове. Если кто-то смог пронести на станцию боевое оружие, то гнать надо поганой метлой всю службу безопасности. И меня вместе со всеми, вдогонку.

— Как интересно... А зачем тогда вы заперли группу шахтеров?

— Хотели обезопасить себя, избежать возможного нового покушения, потом прибежали люди из службы безопасности, и мы испугались...

Ага, испугались они. Это я испугался, когда мне эту историю рассказывали, да так, что сердце пропустило пару уда-

ров.

– Вы не доверяете нам, это понятно, – я взглянул на часы (а время – то уходит!). – Но доверьтесь своим создателям. Улетайте вместе с ними на крейсер, и все дела. Поверьте, здесь по вам никто скучать не будет. Правда.

– Нашим создателям мы верим, но хотим улететь... без них.

– Вот как, а почему это?

– Мы устали от опытов, которые над нами проводят, и хотим улететь одни, – повторил *Доверие*.

– И что же вас заставляли делать, задачки решать до посинения?

– Недавно они начали вскрывать Шестого, – было видно, что биоройду эти воспоминания давались нелегко. – Понимаете, мы тоже можем ощущать боль, конечно не так, как вы, у нас все по-другому... Ему даже не отключили центры ощущений, а нас заставили смотреть на это, считывая показания...

Клянусь, в этот момент мне стало стыдно. И пусть передо мной были, казалось бы, бездушные машины, я почувствовал нарастающий гнев на их создателей. Они так стремились очеловечить машину, а следовало бы очеловечить их самих.

– Нашу лохань я вам не отдам, – решительно заявил я. – У меня связаны с ней очень личные светлые воспоминания, но вы же на чем-то прилетели сюда? Исследовательское судно, так? Что ж, заберёте его, если сложите оружие и отпустите

заложников. Обещаю.

– Хорошо, но до этого вы должны заслужить наше доверие, – выдвинул свои условия *Вежливость*. – Найдите того, кто послал убийцу. Мы уверены, это не псих-одиночка, а тщательно запланированная акция.

Облом. А я уже думал, что удалось наладить контакт.

– А вы не боитесь, что ваши останки разметает от выстрела крейсера по всему астероидному поясу?

– Мы совсем не жаждем смерти, но к создателям больше не вернёмся.

Вот звери, это же надо так довести этих бедолаг! Я себя уважать перестану, если им удастся эвакуироваться. И пусть меня потом назовут психом, посочувствовавшим простым роботам.

А пока что пора приниматься за привычную работу.

– Человек был из группы, с которой вы должны были спуститься в шахту? – уточнил я. – Где он сейчас и в каком состоянии?

– Нет, он зашел в раздевалку с плазменным пистолетом в руке, – ответил *Доверие*. – Сейчас он в госпитале, в автодоке, без сознания. Все данные по нему мы отправили вашему руководству, чтобы они занялись расследованием, но наша просьба была проигнорирована.

– Жаль, что он в отключке, я бы с удовольствием его допросил, – посетовал я. – Насчет следствия – сделаю всё, что смогу. Оставайтесь на связи.

– Хорошо, – синхронно сказали биоройды и отключились.

Итак, пистолет... Да еще и плазменный. У меня, кстати, простой ионный, и если бы этот идиот пальнул в раздевалке... Плазма на данный момент – одна из самых мощных единиц стрелкового оружия. Их бы точно потом не собрали, разве что, по атомам. Может, на это и рассчитывал тот, кто его туда послал? Для военных слишком заковыристо. Но, с другой стороны, плазменным оружием помимо них владеют лишь считанные единицы наёмников, которые на хорошем счету у лучших контрабандистов. Такие ребята на захудалую станцию валить каких-то роботов точно не полетят.

Простой псих подобную игрушку раздобыть нигде бы не смог, в этом роботы совершенно правы.

– Адонис, в чьей они группе были?

– Третья, шахта Д-2.

– Значит, Дойл. Отлично! Свяжись с ним и выясни, что это был за пистолет. Он воевал и должен в этом разбираться. И пусть охарактеризует покушавшегося заодно. А мне пора бежать.

– Гарнитура у тебя в порядке? – я протянул толстячку свою, но он ее тут же выбросил, взяв с рабочего стола другую. – Эта помощнее. Сегодня электромагнитная буря на гиганте. Видео не обещаю, но голос гарантирую на всей территории станции.

Я поспешил вернуться в сектор службы безопасности, где меня наверняка заждались Линдсей и Алехандро. Чёртова

искусственная гравитация мешала передвигаться быстро, но я ковылял изо всех сил. Примерно на полпути со мной соизволил снова связаться «*Пустынный Ястреб*».

– Хьюстон, как слышно, приём!

– Громов, ты хочешь сказать – нас водят за нос?!

– Ага, какая ты догадливая, – я ухмыльнулся. – Как там поживают мои старые знакомые с оперативного штаба?

– Отлично поживают, ведь больше некому сводить их под дулом плазмомёта в увлекательную экскурсию по военному моргу.

Видит бог, они сами тогда напросились. Из-за их грубого просчёта в планировании операции погибла большая часть нашего отряда. Я просто помог им воочию увидеть последствия своей ошибки. Получилось очень показательно.

– И что же тебе поведали о линнисийцах?

– Они сказали, что те всегда соблюдают строгое молчание в эфире, – она помедлила. – Когда покидают пределы Империи и отправляются в набег... Но чью тогда, чёрт возьми, передачу уловили наши перехватчики?!

– Давай я расскажу тебе одну занимательную историю из моей личной жизни, но сначала мне хотелось бы услышать, что ты раскопала.

– Прости, но по ученым информация закрыта... Зато я узнала кое-что о личности нападавшего, ты ведь это хотел, спрашивая про досье новоприбывших?

– Верно, Мариночка, ты сама догадливость сегодня. Рас-

сказывай!

– Его зовут Николас Джефферсон. Классический игроман, не служил, и долгов у него более трех миллионов кредитов. Но кто-то помог ему устроиться на «Ариадну» и половину из них погасил.

– Спорю, что вторую половину ему обещали после выполнения заказа.

– Ты тоже сегодня сообразительный. Контрразведка с тобой полностью согласна, но они пока не нашли автора такого шикарного подарка.

Контрразведка, надо же. Значит, командование предполагает «крота» в штабе. Ну, бог им в помощь, там давно следовало всё перетряхнуть.

– Хорошо, теперь я расскажу свою историю. И не простую, а про то, как выиграли битву у Гаммы Стрельца.

– Это та крупная победа над линнисийцами? Я там была, вообще-то. Зачем ты мне это собираешься рассказываешь?

– Надеюсь на твоё понимание. Однажды, когда нас в очередной раз потрепали и отправили в резерв в глубоком тылу, наш замкомандира взвода, Араик Папаян, решил отметить свой юбилей. Проставился он на совесть: коньяк лился рекой, а шашлыкам не было конца. И тут, в самый разгар веселья, нам пришла в голову гениальная, как тогда показалось, идея. Мы конфисковали у тыловиков какое-то ржавое корыто, на котором едва держались передающие антенны, поставили его на автопилот и запустили в космос, в сторону

линнисийцев. До этого мы четыре часа записывали передачу, представляясь командирами кораблей, а было нас... побольше взвода, откуда взялись остальные, хоть убей, не помню. Я назвался адмиралом Громовым и отдавал приказания эскадрам, ребята с гудением бегали вокруг меня и пытались маневрировать... короче, было весело. Но настоящее веселье началось, когда линнисийская эскадра Красных Дьяволов поймала и расшифровала сигналы, передаваемые той самой лоханью на автопилоте. Бедняги подумали, что на них прёт целая армада, и оставили позиции. С боевым духом у них всегда было слабо. Тогда и началось знаменитое наступление.

– И что, вас наградили потом? – недоверчиво спросила Марина.

– Нет конечно! Нам с Араиком, как зачинщикам всего этого безобразия, дали по строгому выговору и лишили боевых за два месяца. Мораль выводить не буду, потому как тороплюсь, догадаешься обо всем сама.

– И что же, ты думаешь, командование пойдет на риск и отменит приказ? Им понадобятся для этого более веские доказательства.

– Мне хочется, чтобы ты правильно понимала ситуацию.

– Я её прекрасно понимаю, поверь. Но нарушить приказ не могу.

– Ладно, я практически пришел, но не отпускать же тебя без очередной загадки! Итак, зачем кому-то платить полто-

ра миллиона кредитов за какого-то неудачника, который в армии даже не служил, если мы с тобой прекрасно знаем, что приличного наемника можно взять за миллион? Время пошло, уже скучаю, Хьюстон, конец связи!

В компьютерном центре службы безопасности царили приятный полумрак и тишина. Таким я это место ещё не видел.

– Приветствую, амиго! – отсалютовал мне коктейлем высокий широкоскулый мужчина, обладатель самых длинных усов на нашей станции.

– Есть радостные вести? – поинтересовался я. – Предупреждаю, плохими я сыт уже по горло!

– Всё путем, я вошёл-таки в систему! Дьявол, всю жизнь об этом мечтал, прямо с головного...

Он поставил запотевший бокал с коктейлем на панель управления терминалом и сладко потянулся в кресле. Леонардо за такое медленно бы четвертовал тупым мясницким ножом, но лично мне сейчас было всё равно. Позади хакера на кресле съежился Линдсей. По его лицу ясно читалось, что он предпочел бы сейчас сидеть внизу в заложниках, чем творить такое надругательство над уставом.

– Какие блоки системы под контролем?

– Не так много, – вздохнул Алехандро. – Один момент мне казалось, что вообще не выйдет... В общем, система видеонаблюдения, кое-какие службы... Пушки заблокированы наглухо, управление не перехватить. Ниже госпиталя дроны

вообще поставили такую защиту, что мне вовек не сломать, так что освободить кого-нибудь отсюда я тоже не могу, извини.

– Да мне этого и не нужно, пусть пока там посидят, подумают над смыслом жизни. Лучше открой мне личные данные сотрудников.

Мужчина удивленно приподнял кустистые брови.

– Хочешь посмотреть чье-то досье?

– Да. Свое.

«Почему вы не в карцере, кстати?», – спросил меня Доверие. Биоройды умеют задавать чертовски правильные вопросы, мои загадки им в подмётки не годятся...

Досье гласило, что Андрей Громов заключен под стражу и в настоящий момент находится в изоляторе А-42. То, что я сейчас стою и читаю это всё, подпоясанный кобурой с табельным оружием, уже тянуло на трибунал. А если ещё вспомнить про недавние переговоры с террористами...

Несмотря на холодную ярость, кипевшую внутри, я не мог не восхититься глубиной комбинации Дьюка. Ведь фактически он сделал меня главным козлом отпущения, вне зависимости от варианта развития событий. Даже, если мне удастся освободить заложников, я все равно попаду в тюрьму, и все лавры достанутся ему, а ежели не смогу...

Нет, лучше об этом не думать.

Ну, Старый Дьюк, ну хитрец! Только в одном он просчитался – я очень справедливый и благодарный человек. Уж я

его отблагодарю, от всей своей широкой славянской души! Не зря же подстраховался с Адонисом...

– Что это значит? – недоуменно спросил Линдсей.

– То, что меня просто подставили, малыш. Давай бегом к Дьюку, он наверняка сейчас ополчение из администраторов набирает. Я тут разберусь и без тебя.

Но парень даже с места не сдвинулся.

– Линдсей, это приказ!

– Да, сэр, – понурившись, он побрел в сторону выхода.

Мне нравился этот наивный мальчишка, и не хотелось становиться причиной краха его карьеры.

– Может, я тоже пойду, – предложил Алехандро. – Спокойно допью свой *бухито* в изоляторе...

– Нет, – огорчил я его. – Ты нужен мне здесь. В случае чего скажешь, что я грозил тебе вот этим пистолетом. А теперь слушай...

Тщательно проинструктировав хакера, я направился в арсенал. По дороге туда на связь со мной вышел Адонис.

– Дорогой, я поговорил с Дойлом! – завопил он мне в ухо. – Он утверждает, что пистолет, прежде чем хрустнуть в железной хватке андроида, действительно был плазменным. Более того, он уверен, что это маломощная укороченная модель, какую носят наши внутренние войска. И что самое интересное, парень держал его впервые, это сразу было видно! Но даже у профессионала, Дойл клянется, нет шанса против этих молниеносных бестий!

– Передай ему мою глубокую благодарность, а когда Доил заметит, что благодарность в стакан не нальешь, скажи, что я, Эндрю Громов, обещал поставить ему бочку пива, когда все закончится. Да, и соедини меня с Дьюком.

Что ж, теперь многое встало на свои места. Белых пятен ещё хватало, но уже ясно, что я двигаюсь в правильном направлении.

– Прием, Дьюк сейчас не может ответить, – это был Уоррен. – Но я могу ему передать...

– Тогда передай, если он хочет освободить заложников, то пусть пришлет яйцеголовых в апартаменты для заседаний Д-7А. Это на уровень выше госпиталя, если ты забыл. Запомни, ученые мне нужны все пятеро! И еще хорошая новость – мы частично вернули контроль над системой безопасности. Только сильно не обольщайся, пушки не отключить.

– Понял, учёные будут через двадцать минут. Собираешься вести переговоры?

– Конечно, – соврал я. – А ученые единственные, кому роботы доверяют. Обеспечь явку, это важно. Никого с ними не посылай, иначе биороиды не сдадутся.

– Хорошо, хорошо, конец связи.

Двадцать минут. Я уже стоял в дверях арсенала и набирал код, но сделать нужно было так много, а время... оно утекало, как кислород из пробитого гермошлема.

Если у человека какой инстинкт и развит хорошо, так

это хвататься за оружие при малейшей опасности. До недавнего времени арсенал был заблокирован, и все обходились чем есть, а сейчас сюда набегут за мощными штурмовыми винтовками и натворят с их помощью много глупостей. К счастью, большую часть оружия расхватали штурмовики, но кое-что всё же осталось. Пистолеты и прочую мелочь я просто сгрёб в сейф и запломбировал его личным кодом. Затем взял с верстака ящик с инструментами и принялся за первую винтовку...

Шла семнадцатая минута из отпущенных мне двадцати, когда со мной очередной раз связался *«Пустынный ястреб»*. Я уже закончил с оружием в арсенале и, хромая, шел на место встречи.

– Громов, что там у тебя, ты решил вести переговоры? – в голосе Марины плескалась надежда.

Ага, значит, наш старый интриган ей всё уже рассказал.

– Да, только у меня один нюанс возник – я больше не работаю в службе безопасности. Дьюк меня подставил, когда вытащил из карцера и засунул в эту ситуацию по самое не балуй.

– Ты с ума сошел! Срочно возвращайся в изолятор и жди там эвакуации!

– И не подумаю – я единственный, кто наладил с роботами контакт, мне нужно только добиться их доверия, и тогда жизни всех заложников спасены. Кстати, ты разгадала мою последнюю загадку?

– Господи, Громов! – простонала Марина. – Ты невыносим! Почему ты не можешь общаться, как все нормальные люди? Почему ты всегда говоришь недомолвками?

– Все очень просто, – я добрался до лифта и стал спускаться вниз. – Если человек приходит к тем же выводам, значит, ход моих мыслей верный. Главное – задать правильный вопрос.

– Какой еще вопрос, Громов?! Ты мне мозг взрываешь!

– Ничего, потерпишь, мне самому несладко. А теперь, будь добра, свяжись с сотрудником службы безопасности Алехандро Альваресом. Он сейчас у главного терминала, ждет, чтобы ввести тебя в курс дела.

– Какой еще сотрудник? Я не видела в списках этой фамилии.

– А он новенький, только призвался на службу... из карцера.

Ответом мне была тишина. К счастью, недолгая.

– Если у меня когда-нибудь случится сердечный приступ, то только из-за тебя, – сказала, наконец, Марина сдавленным голосом. – Ты хоть понимаешь, что творишь?

– Конечно, иначе бы я действовал по-другому. Кстати, мне пора.

Лифт спустился, до нужного отсека, где меня уже ждали ученые. Нужно было собраться и отыграть последний акт в этой пьесе, навязанной мне неведомым режиссером.

– Как? И ты не загадаешь мне напоследок очередную свою

идиотскую загадку? – удивилась Марина.

– Не угадала. Но она будет очень простая. Вспомни-ка Устав – на каких условиях человек может вступать в переговоры, если он официально сидит в карцере и, что главное, уже не является сотрудником службы безопасности? Варианты, оканчивающиеся пожизненным заключением или смертной казнью не предлагать. Хьюстон, конец связи.

Затаив дыхание, я шагнул внутрь отсека, запнулся протезом о переборку и чуть не запорол торжественный момент падением плашмя.

Помещение представляло собой этакий конференц-зал в миниатюре. Здесь собирались главы отделов и профсоюзов, а ещё этот отсек был примечателен тем, что находился ближе всех к госпиталю, в котором хозяйничали роботы.

За столом, заметно нервничая, сидели пятеро людей.

Начальник исследовательской группы Эдвард Свонн был уже мне знаком, остальных я рассмотрел подробнее, попутно здороваясь и знакомясь.

Ещё один пожилой мужчина – Джон, являлся тем самым специалистом по психологии биороидов. Он сидел, прямой как палка, и тарабанил пальцами по столешнице.

Следующим был Герхард – тучный мужчина с мозолистыми руками, в группе он являлся консультантом-механиком. Справа от него сидела Элизабет – инженер-программист. И, наконец, с краю скромно пристроился молодой паренёк, ассистент Брендон.

Страшно хотелось пить, в горле пересохло, а говорить придется много... Совсем некстати вспомнился коктейль Алехандро.

– Попробую угадать, – я сел в свободное кресло, напротив ученых. – Вы сейчас все задаётесь вопросом, какого дьявола вас сюда притащили? Не буду томить – одним из условий биороидов было найти человека, или людей, которые желают им смерти.

– И причем здесь мы? – спросил за всех Свонн.

– Дело в том, что этот человек или люди – кто-то из вас.

Поднялся невообразимый гвалт, в лицо мне полетели проклятья и оскорбления, кое-кто даже вскочил со своего места. Пришлось достать пистолет и постучать рукояткой по столу, призывая всех к тишине. Это принесло ощутимый результат – все разом замолкли.

– Вы псих... – испуганно прошептала Элизабет.

– Меня так часто называют, – пожал я плечами. – Но большинство психиатров сошлись на том, что у меня просто мания величия на фоне обостренного чувства справедливости.

Но к моим словам никто не прислушался, все со страхом уставились на пистолет. Пришлось положить оружие на стол, чтобы хоть немного успокоить подозреваемых.

– Вы знаете, когда меня выпустили из карцера, мне показалось, я схожу с ума. Вся эта ситуация походила на розыгрыш, и при всей своей идиотичности была патовая. Биороиды просто так не освободят заложников, потому что страст-

но хотят улететь, от вас, кстати! Ну а военные никуда их не отпустят, предпочтя взорвать станцию ко всем чертям и улететь восвояси. Не то, чтобы я очень переживал из-за старушки «Ариадны», но при этом погибнет несколько тысяч невинных людей, что мне крайне не нравится.

– Зачем вы нам это рассказываете? – гневно спросил Герхард. – Думаете, мы хотим, чтобы они погибли?! Элли права, вы просто псих.

– Герхард, в любом деле главное, – я примирительно улыбнулся, – задать правильный вопрос, ответ на который составляет всё по своим местам. После него других вопросов уже не возникнет.

– Я понял вашу мысль, – кивнул мужчина. – Сам пользуюсь подобным методом при поиске неисправностей. Но мне непонятно, причем здесь мы?

– Биоройды утверждают, что на них совершили покушение, вы ведь в курсе? Отсюда следует, что главный вопрос всего этого безумия – как на нашу тщательно охраняемую станцию попало оружие?

На меня непонимающе уставились пять пар глаз. А еще называют себя людьми умственного труда... Придется всё разжевывать.

– Вы себе даже представить не можете, как тяжело беднякам рабочим протащить сюда жалкий вибронож, – принялся я объяснять. – А тут – целый плазменный пистолет! Вам этого не понять, но для службы безопасности такая ситуация –

полный провал. За подобное нам всем светит как минимум безработица. И всё же – как?

– Чертов психопат протащил его с собой, – предположил Свонн. – Или собрал тут, в мастерской.

– Вы, Эд, бесспорно, большой специалист в области киберинженерии, но в оружейном деле полный профан, – я указал на свой пистолет. – Даже такую простенькую мухобойку в наших мастерских не соберешь. Тем более, на месте происшествия по чистой случайности оказался человек, навоевавший поболее моего. Так вот, он узнал в пистолете военную штатную модель, её носят наши внутренние войска. А насчет проноса – я лично со сканером в руках проходил по кораблю, на котором прилетел тот самый Николас Джефферсон и никаких бластеров на борту не обнаружил.

– Вы слишком много говорите, – покачал головой Джон. – Видимо, пребывание в изоляторе отразилось на вас не в лучшую сторону.

Возможно, он прав, и я просто соскучился по человеческому общению. Что ж, ему видней, он – психолог.

– Согласен, но я просто тяну время, – сказал я чистую правду. – Кстати, корабль Джефферсона был последним прибывшим на «Ариадну». Если, конечно, не считать вашего судна. Которое не проверяли, так как вы и так прибыли под конвоем.

Повисла гнетущая тишина.

– К слову, с вами же прилетели военные, да?

Свонн утвердительно кивнул.

– А у них, насколько я помню, охраной занимаются внутренние войска, вооружённые как раз такими пистолетами.

Я с удовлетворением смотрел, как ученые заозирались друг на друга.

– Но кто бы это ни был – преклоняю перед его изобретательностью колено. Мне в свое время понадобился литр коньяка, чтобы придумать такой розыгрыш.

– Какой ещё розыгрыш, какой к черту коньяк! Сюда летят линнисийцы! – взорвался Свонн.

Я выразительно посмотрел на пистолет и учёный притих.

– Сюда летит какое-нибудь ржавое ведро с антенной и передает записанный сигнал, – возразил я. – Да будет вам известно, что их корабли сохраняют гробовое молчание в эфире, как только они покидают границы своей Империи. Как они общаются, до сих пор не установлено. Немногие военные об этом знают, а уж гражданские... Откуда взялась запись сигнала, которая провела даже нашу контрразведку, ума приложить не могу, да это и не существенно.

– Но зачем кому-то из нас ЭТО делать? – простонал Свонн.

– А вы еще не догадались? – злорадно ухмыльнулся я. – Чтобы сорвать ваш бесчеловечный проект очеловечивания машины. Признаюсь честно, этот поступок мне по душе, хоть и методы слишком экстремальные... И я скорее поверю, что на нашем газовом гиганте ударят лютые морозы, чем

в то, что военные этот проект все-таки не прикроют. Поверьте, люди в Министерстве обороны очень разные, но одинаковы в одном – их очень пугает оружие, обернувшееся против своих создателей.

На Свонна было жалко смотреть. Остальные выглядели ошарашенными и только в одних глазах промелькнуло удовлетворение. Так-так...

– И еще один момент, – продолжал я. – Нанявший неудачника Джефферсона заплатил изрядную сумму в счет его многочисленных долгов. Контрразведка сейчас...

– Я и не собирался скрываться после содеянного, – перебил меня Джон. – Вы правильно заметили, мистер Громов, я нанял неудачника, потому что не знал, где найти специалиста в этом деле.

Загадка номер два решалась еще проще, чем первая. Эх, Марина...

– Ты... негодяй! – зашипел Свонн, поднимаясь с места. – Я потратил полжизни на этот проект!

Пришлось мне снова браться за пистолет.

– Так, Джон, вы у нас человек, так что пересаживайтесь на мою сторону, – приказал я ему. – А нелюди остаются сидеть там, где сидели.

Взгляды по ту сторону стола стали злобными.

– Теперь расскажите, зачем вы затеяли всё это? – спросил я у психолога, как только он пересел.

– Думаю, вы догадались, почему. Мои малыши рассказы-

вали вам об экспериментах, которые над ними проводили, чтобы измерить эмоциональную и физическую чувствительность?

Вот так – мои малыши. Господи, не дай испытать моим врагам то, что пережил этот человек...

– Достаточно, чтобы проникнуться, – ответил я. – Но зачем вы подвергаете тысячи людей такому риску? Только не надо говорить, что вы заранее всё не просчитали.

– Увы, но это так, – развел руками мужчина. – Я отлично разбираюсь в психологии биороидов, но вот люди... Я никак не ожидал, что военным отдадут приказ открыть огонь по заложникам. Я думал, они отпустят малышей...

Святая наивность. Но, если ты хороший человек, это не значит, что вокруг такие же.

– Поверьте, в Министерстве сидят люди ничуть не лучше этих, – я кивнул на оставшуюся четверку и снова положил оружие на стол. – Теперь расскажите о записи.

– Её я взял у своего брата, он уже давно исследует линни-сийскую культуру... Но поверьте, он ничего не знал о моем плане!

– Охотно верю, иначе бы вы так глупо не попались, – согласился я. – Уж он точно должен был знать о молчании на рейде. А пистолет?

– Однажды я усыпил одного из охранников, – Джон вздохнул. – Не думайте, что он был хорошим человеком, его любимым занятием было наблюдать за опытами...

Я кивнул и посмотрел на часы – до «окна» оставалась два часа. Скоро должны объявить эвакуацию. Вроде бы успеваю, в кои-то веки.

– Теперь вы доверяете мне? – громко сказал я в потолок.

Гермозатор на противоположной стене открылся, и в помещение дружно шагнули биороиды. В полный рост они куда больше напоминали роботов – тела отливали пластиком и металлом, но движения не такие дёрганные, а вполне себе плавные. Будто это шли люди в облегающих бронекостюмах. Достаточно было просто прищуриться, чтобы поверить: передо мной обычные перепуганные ребята, которые хотят жить.

Четверка ученых напряглась, а Джон улыбнулся сквозь слезы.

– Откуда вы знали, что мы за вами следим? – спросил *Доверие*.

– Догадывался, – пожал плечами я. – Наш договор в силе?

– Да, если вы нас отпустите, – биороид улыбнулся. – Кажется, вы обещали нам исследовательское судно?

Вот умница!

– Забирайте его, только...

Договорить мне, к сожалению, не дали. В зал ворвались вооруженные люди во главе с Уорреном и Дьюком. Как я и предполагал, это оказались охранники ученых, разбавленные оставшимися в строю патрульными из службы безопасности. Среди них я разглядел побледневшего Линдсея. Мо-

лодец, парень, держится, значит – будет толк.

Я спокойно повернулся в кресле.

– Вас стучать не учили, молодые люди?

– Джон Ферроу, вы арестованы за измену и попытку саботажа, – не слушая меня, довольно произнёс Старый Дьюк. – А вам, Эндрю Громов, самое место в карцере, куда вы сейчас и отправитесь.

Обязательно, но чуть попозже. А пока я взял себя в руки, чтобы не засмеяться в голос. У Дьюка с Уорреном были настолько счастливые лица... Жаль их огорчать.

– Одну минутку, – я снова повернулся к биороидам. – Вы **ПОЛНОСТЬЮ** мне доверяете?

– Да, – *Вежливость* кивнул.

– Тогда не предпринимайте ничего, я сам всё улажу, – попросил я их.

– Громов, повторяю, отбрось пушку и встань с поднятыми руками! Не то я, клянусь, прикажу тебя пристрелить, – нетерпеливо зарычал Дьюк.

– Вы хотите взять под охрану сотрудника службы безопасности? – я, насколько мог, изобразил удивление.

– Да никакой ты, к черту, уже не сотрудник! – взревел Дьюк. – Уже две недели, как ты – заключенный!

Двое ребят из охраны шагнули ко мне, чтобы надеть силовые наручники, остальные держали нас с роботами на прицеле штурмовых винтовок.

– Как же так, – смущенно выдавил я. – Ты же освободил

меня, дал оружие и восстановил в должности!

Это был момент его триумфа, это стало видно по глазам старика. Псих-Громов давно уже всех достал, а теперь он унижен и взят под стражу, его будут судить за саботаж, вместе с Ферроу. А старина Дьюк возглавил операцию, благодаря которой захвачены биоройды и спасены заложники. Ну же!

– Никогда я тебя не восстанавливал, осёл! Ты был мне нужен, чтобы выманить этих чертовых дронов!

Значит, я оказался прав в том, что он договорится с ребятами из внутренних войск. Теперь это его люди, при них не страшно говорить правду. Ученых и биоройдов он в расчёт не брал – одни ему будут благодарны за спасение, а кто поверит другим? Вот ты и попался, старый плут...

– Вот как... – произнес я задумчиво. – Только, увы, вы не сможете меня арестовать, потому что ваши люди грозят мне неисправным оружием.

– Ты достал меня своей болтовней, чертов ублюдок! – выкрикнул Уоррен, тоже вооруженный винтовкой. – Сейчас я сделаю тебя симметричным!

Он прицелился мне в здоровую ногу и нажал на спусковой крючок. Вообще-то я ожидал, что он захочет меня просто пристрелить, но такой цинизм...

Винтовка издала еле слышное гудение, только выстрела не последовало. Уоррен нажал снова, но безрезультатно. Голографический индикатор показывал полный заряд, а вин-

товка по-прежнему не стреляла. Помощник с проклятьями вырвал винтовку из рук ближайшего охранника, но результат был тот же.

– Я же сказал, оно неисправное, – пистолет переключал со стола обратно ко мне в руку. – Остальные тоже могут проверить.

Охранники и патрульные последовали моему совету, только целились они не в меня, а в потолок. Ни одна винтовка не выстрелила. Я с удовлетворением заметил, что плазменных пистолетов на охранниках нет, вместо них на поясах болтались шокеры. Всё правильно – слишком мощное это оружие для стрельбы в переполненном помещении. Оставалось ещё несколько единиц табельного у патрульных, но теперь они вряд ли его против меня поднимут.

– Как... – ошарашено произнес Уоррен. – Как ты это сделал? Их же невозможно сломать... Почему тогда работает индикатор?

Очень просто, на самом деле, я это сделал. С помощью обыкновенного атомного резака, который есть в кармане любого ремонтника, и кусочка медной проволоки. Как любил говорить наш прапорщик Ковалевский: *«Что один человек смастерил, то другой завсегда разломать сможет!»*.

На Уоррена было жалко смотреть. Как же он меня ненавидел... Но Старый Дьюк не сдавался.

– Мы с тобой, калека, справимся и голыми руками, – заявил он. – И твоя пукалка тебе не поможет!

– Со мной – конечно, – согласился я и показал пальцем за спину, на биоройдов. – А вот с ними – нет!

Старый Дьюк спал с лица. Он так хотел разделаться со мной, что совсем забыл про андроидов.

– Ты не посмеешь... – прошептал он. – Тебя же к смертной казни приговорят, идиот!

– А вот и нет, – заявил я. – Думаешь, мы случайно оказались здесь? Я знал, что ты любишь подсматривать за собраниями профсоюзов, поэтому тут в каждую панель встроена мощная камера, а изображение идет прямиком в твой кабинет. Пока мы тут играли в детектива и подозреваемых, а твои люди вооружались, здесь творилось ещё кое-что очень важное.

– Но зачем ты всё это затеял, чертов психопат? – недоуменно замотал головой Дьюк.

«Сейчас узнаешь, но, боюсь, тебе не понравится». Я тяжело поднялся с кресла и заковылял к ближайшей стене.

– Хьюстон, как слышно, прием! – я постучал протезом по панели.

– Громов, какого дьявола! – громко выругался женский голос, заставив всех заозираться. – Мы тут все чуть не оглохли! Ты это специально, да?

– А незачем звук так увеличивать, чтоб каждый шорох было слышно! – укорил я невидимую собеседницу. – Ты тоже в динамиках звучишь отнюдь не шёпотом!

Старый Дьюк стремительно бледнел. Но до Уоррена и

остальных еще не дошел трагизм ситуации. Ничего, сейчас я его донесу.

– Позвольте познакомить вас с моей старой знакомой, Мариной Хьюстон, – представил я женский голос. – Командир боевого крейсера *«Пустынный ястреб»*, она также известна под именем Стальная Леди. И пусть Марина не присутствовала здесь во плоти, но моими стараниями слышала каждое сказанное слово с самого начала.

Уоррен уронил челюсть, у охранников лица дружно приняли выражение кота, застигнутого в холодильнике, Дюк начал что-то бормотать про себя, и даже биороиды казались удивленными.

Слов ни у кого не находилось, пришлось мне вновь нарушать тишину:

– Мариночка, ты разгадала мою последнюю загадку?

– Так точно, старший юнга Громов! – в её голосе послышалось злорадство. – Вы назначены оперативным уполномоченным крейсера *«Пустынный Ястреб»* вплоть до его прибытия на станцию *«Ариадна»*. Все ваши действия будет оценивать совет при Министерстве обороны, куда я вас незамедлительно доставлю.

– Стальная Леди... – бормотал Дюк, в глазах которого плескалось отчаянье, граничащее с безумием. – Она все слышала... Стальная Леди...

– Что еще за оперативный уполномоченный? – нашел в себе силы спросить Уоррен.

– Учи устав Экспедиционных Сил, гражданский! – рявкнула Марина. – Там чётко написано, что при чрезвычайной ситуации любой член экипажа может на время стать оперативным уполномоченным и решать разнообразные проблемы вне корабля!

– В том числе вести переговоры, заключать под стражу и даже портить оружие в арсенале, – ввернул я. – Спасибо, что уволили меня, Дюк, иначе не встать мне снова на службу. Даже на неделю.

– Ты... – прохрипел он, выпучив глаза. – Я вырву твое поганое сердце!

Глава станции попытался было шагнуть в мою сторону, но его схватили охранники и мигом надели на запястья силовые наручники. Парочка их коллег застыла возле меня, словно мои личные телохранители. Будто пять минут назад они и не собирались меня же и арестовывать. Молодцы, сообразительные ребята, далеко пойдут.

Я выразительно посмотрел на Уоррена, и через мгновение наручники оказались и на нем. Часы, между тем, показывали чуть более часа до «окна».

– Ты серьёзно собираешься их отпустить? – поинтересовалась Марина.

– Я обещал, ты же знаешь, как это важно... Всю ответственность беру на себя.

– Не надейся, – фыркнула женщина. – Я очень хочу посмотреть, кому это в голову пришла светлая мысль стрелять

по гражданским...

– Джон, – я повернулся к психологу. – У вас пара минут, чтобы попрощаться. Вашим малышам надо спешить.

– Я благодарен вам от всей души за все то, что вы для них сделали... – растрогался он. – Мне так жаль...

– Мне тоже, – я был искренен. – На суде я буду выступать свидетелем защиты, обещаю.

– Почту за честь, – мужчина приложил руку к сердцу и поклонился.

Он встал и на негнущихся ногах направился к биороидам.

– Ну что, ты чувствуешь себя счастливым, ублюдок? – выкрикнул Уоррен.

Я задумался и честно ответил:

– Нет.

Охранники и патрульные топтались на месте, не зная, что им делать.

– Увести этих в карцер, – я кивнул на Дьюка и Уоррена. – Патрульные сейчас должны пройти по ярусам и отсекам и освободить всех заложников. Если кому-то из них плохо, то ведите в лазарет, если очень плохо – то в бар, сегодня выпивка за счёт заведения. Все остальные могут быть свободны. Хотя нет, стоп!

Я повернулся к четверке ученых.

– Вот этих тоже куда-нибудь деньте! Заприте куда угодно до прилета корабля, можете на поверхность выгнать, но чтоб на глаза они мне больше не попадались!

Джона Ферроу тоже увели, и люди стали потихоньку расходиться. Ко мне со смущенными лицами, если можно так выразиться, подошли биоройды.

– Простите нашу назойливость, – сказал *Доверие*. – Но вы не могли бы дать имена остальным?

Тоже мне, Андрея Крестителя нашли!

– *Верность*, *Смелость* и *Сострадание*, – я поочередно указывал пальцем на каждого. – Надеюсь, качества, которые я вам навязал в имена, всегда будут сопутствовать вашей семье в будущем. Думаю, погрузка уже закончилась, так что садитесь и мчите отсюда на всех парах. У Марины приказ распылить вас на атомы, и она, не задумываясь, приведет его в исполнение, если ей представится хоть малейшая возможность.

Исследовательское судно – довольно мелкий звездолёт. Он легко проскользнет через астероидный пояс, и улететь на нём можно очень далеко...

– Спасибо вам, – поклонился мне Вежливость. – Мы никогда не забудем, чему вы нас научили, и того, что для нас сделали. Прощайте.

В комнате остались только мы с Линдсеем, который явно не знал, куда себя деть. Я ободряюще похлопал его по плечу.

– Громов, я что-то не поняла, какая еще, к дьяволу, погрузка?!

Черт возьми, совсем про неё забыл!

– Мариночка, я подумал, что им будет скучно впятером,

поэтому приказал загрузить до отказа судно необходимым оборудованием и материалами. Ведь на нём, как я понимаю, осталась вся документация... Надеюсь, лет через двадцать-тридцать, если повезет, в космосе появится новая раса. А вот кем она станет человечеству, будет зависеть от нас самих.

– Андрей, ты понимаешь хоть, ЧТО сделал?! Для нас же отдельную казнь не поленятся придумать!

– Не придётся, – возразил я. – Если мы убедим командование в том, что эта новая раса будет нашими ценными союзниками. У человечества и так слишком много врагов в космосе, пора уже обзаводиться друзьями.

– Ты сам им об этом расскажешь, – она хмыкнула. – Надеюсь, после общения с тобой их не придется госпитализировать. Не у всех ведь нервы, как у меня.

– У тебя они стальные, Мариночка! Кстати, у вас там есть на борту хорошее пиво? Я тут просто бочку намедни задолжал, и не хочу улетать, не отдав долги. Так что напряги суперкарго, сделай приятное своему юнге! Скучаю, целую, Хьюстон, конец связи!

– До встречи, – сухо сказала Марина и отключилась. Вот теперь мы с Линдсеем точно одни.

– Прекрати строить из себя провинившегося щенка и пошли со мной, – я заковылял к лифту. – Тебя скоро ждет повышение, и ты должен соответствовать светлому образу оперативника службы безопасности.

– Правда? – парень расправил плечи. – Я вас не подведу, обещаю!

Тем временем, мы поднялись на уровень службы безопасности и направились к отсеку с карцерами. Подойдя к одиночному изолятору А-42, откуда меня накануне выпустили, я вручную ввел пароль на панели управления и открыл гермозатвор.

– Знаешь, почему Марину Хьюстон прозвали Стальной Леди? – спросил я у недоумевающего Линдсея.

– Н-нет, а зачем вы открыли карцер?

– Потому что она всегда сдерживает свои обещания, чего бы это ни стоило ей или тому, кого она упомянула. Всегда, Линдсей.

– И причем здесь карцер?

– Она поклялась, что продержит меня в изоляторе весь обратный путь, так что мне надо снова привыкать к безделью.

Я шагнул внутрь.

– И вообще, у меня ещё целый час абсолютной власти на этой станции. Если я сорвусь и пойду творить добро и справедливость, то к прилету *«Пустынного ястреба»* население *«Ариадны»* сократится на четверть, а ты останешься без работы на целый год. В твоём возрасте нельзя так расслабляться, не то превратишься в такого, как Уоррен. Закрывай меня, это приказ!

Гермозатвор с шипением сомкнулся, оставив за собой

станцию, с каждой минутой все более напоминавшую встревоженный улей. Что ж, работы у моих бывших коллег будет сегодня хоть отбавляй. Все работники, мягко говоря, сейчас на взводе после вынужденных посиделок взаперти. Мне ли не знать, как это утомительно.

Я кое-как лег на нары, в который раз пообещав себе заглянуть в госпиталь по прилету, закинул руки за голову...

И стал ждать.

У Немезиды сегодня выходной

ОТ АВТОРА: Этот рассказ по праву считается у меня одним из самых успешных. Работа над ним заняла что-то около месяца: от консультаций со специалистами и наброска сюжетного скелета до написания, собственно, самого текста и его вычитки. Он стал моим своеобразным Рубиконом, по итогам которого я превратился из молодого графомана в начинающего автора.

*С ним же я в 2013 году взял серебро в одном из самых масштабных конкурсов малой прозы в Рунете, проходившем на портале FanBook, в нём приняли участие свыше четырёх сотен писателей. По итогам мероприятия издательством "АСТ" был выпущен сборник **"Под знаком Z"**, где опубликовали свои работы как опытные литераторы, так и новички вроде меня.*

*Вдвойне приятно, что именно мой рассказ **"У Немезиды сегодня выходной"** открывает данный сборник.*

* * *

За день крыша ангара нагрелась, словно противень в духовке. Мы лежали на ней уже второй час и собирались вот-вот покрыться золотистой корочкой.

– Ты изувер, – тихо прошептал Калина, демонстративно закатив глаза. – Лучше уселись бы на погрузочном кране, в тенёчке...

– И в случае чего прыгали бы оттуда вниз головой, – возразил я. – Там подъёмная лестница простреливается со всех сторон, а внизу вдобавок ещё и бетонный пустырь, если не заметил.

– Да-да, пути отхода – это наше всё, – проворчал парень. – Но ещё полчаса, и моя разгрузка приплывится намертво, будешь отдирать меня вместе с куском крыши.

– Не беспокойся, столько не просидим. Труби нашим, чтоб немедленно закруглялись.

– Ты что-то почувствовал? – встрепнулся Калина, вытаскивая рацию.

Я неопределённо покачал головой и продолжил просматривать внутренний двор через оптику. Грузовые контейнеры, ящики, бочки... В этом лабиринте легко заблудиться и стать чьим-нибудь обедом, но ради хранящихся здесь, по сегодняшним меркам, богатств, можно было и рискнуть. Головой.

Наблюдение принесло плоды – между двумя дальними контейнерами мелькнула неясная тень.

– Движение на десять часов, – тут же среагировал Калина.
– Вижу.

В воздухе медленно разливалось звенящее напряжение – ещё не опасность, но первый звоночек, бьющийся в подсо-

знании. До общего перезвона лучше не доводить.

Тем временем из-за груды гниющих поддонов показались две фигуры, осторожно водящие стволами автоматов по сторонам. Оружие, как и полагается, с глушителем, дорогая экипировка, а за плечами внушительные рюкзаки.

– Коллеги? – предположил Калина.

– Вызови-ка их по общему каналу, – прошептал я. – Тут наверняка целая группа, просто мы их не видим.

Напряжение повысило тональность. Не выйди на нас живые люди, мы бы уже сматывали отсюда удочки, но я должен был хотя бы попытаться их предупредить. А дальше уж сами как-нибудь. Чай, не маленькие.

В поле зрения попала ещё одна вооружённая пара метрах в тридцати от первой. Сколько же их здесь всего?

– Готово! – Калина протянул мне рацию.

– Приём, – прохрипели на другом конце. – Кто говорит?

– Тихий, – представился я. – Фуражиры из Солнечного.

– А, соседи, – несмотря на помехи, я различил в голосе нотки облегчения. – Мы из Северной. Группа Ганина.

– Слушай, Ганин, – без предисловий начал я. – На точку мы претензий не имеем, тут на всех хватит. Только сейчас здесь находится опасно. Мы отходим и вам советуем.

– Совет принял, Тихий, – вполне серьёзно отозвался голос. – Удачи вам.

– Спасибо, конец связи.

Я отключил рацию и стал собираться, пристроив арбалет

за спину.

– Не уйдут, – уверенно заключил Калина.

– Это их выбор.

Мы тихонько поползли назад. Напряжение накаtywало всё сильнее, заставляя покрываться гусиной кожей. Я даже смог определить примерное направление источника – где-то в соседних ангарах, совсем рядом с группой Ганина. Такая точность была для меня в диковинку, обычно фонило намного слабее. Дело плохо.

– Быстрее!

Позади нас из внутреннего двора слышались частые хлопки. Скрываться больше не было смысла – счёт пошёл на секунды. Я поднялся на ноги и рванул вперёд. За мной, гулко топая по металлическому настилу, поспешил Калина.

Края крыши мы достигли одновременно с первым взрывом. Из дворика донёсся короткий вопль, который утонул в раскатах очередей. Судя по звукам, били из пулемёта. Я мысленно пожелал Ганину удачи и прыгнул вниз.

Падать, к счастью, было не высоко. Вплотную к ангару примыкала шеренга высоких гаражей, где хранили погрузочную технику и прочий тяжёлый транспорт. На крышу одного из них мы и приземлились – Калина с мягким перекатом бывалого паркурщика, а я с грацией сброшенного мешка. Как говорится, рожденный предчувствовать летать не может. И прыгает прескверно.

За гаражами слышался глухой рокот – наши готовились

драпать на всех парах. Калина вырвался вперёд, перепрыгивая с крыши на крышу, как заправский сайгак, и едва не столкнулся с упырём, вскарабкавшимся по водосточной трубе.

От неминуемой гибели парня спасла потрясающая ловкость – не сбавляя темпа, он поднырнул под левую лапу твари и оказался у неё за спиной. Свистнула шашка, и обезглавленное тело медленно завалилось навзничь.

Из-за козырька показался ещё один, судорожно цепляющийся когтями за шифер. Я вскинул арбалет и послал тяжёлый болт в переносицу шустрого мертвяка. Упырь утробно всхлипнул и грузно шлёпнулся на асфальт.

– Ходу!

На крыши позади нас вскарабкалось еще несколько тварей, но мы уже достигли пожарной лестницы. Внизу слышались хлопки СВУ – Злата сбивала самых ретивых, бросившихся следом за нами.

Спустились за несколько секунд, причём Калина и тут не удержался, съехав «по-пожарному», не касаясь ступеней. Я нырнул в кабину головного ЗИЛа с широким отвалом, и машина тут же тронулась с места. Ставший ненужным арбалет отправился в зажим над козырьком, а в руки сам собой прыгнул «сто третий» Калашников. Его тяжесть придавала уверенность и заглушала нервный перезвон в душе.

– Что за стрельба на той стороне? – невозмутимо спросил Ануш, выворачивая широкий руль.

– Группа из Северной, – пояснил я. – Похоже, накрылись ребята.

– Упокой Господь и всё такое, – тихо вздохнул водитель, украдкой покосившись на меня.

– На дорогу смотри.

Вторым номером за нами двинулась «шишига» с нашитыми бортами, в ней как раз устроился бесстрашный паркурщик с дедовской шашкой. Замыкал колонну бронированный УАЗ с пулемётом на вертлюге – там ехала группа прикрытия.

Дорога впереди стремительно заполнялась мертвяками различной степени сохранности от неуклюжих зомби, едва волочащих ноги, до юрких упырей, которые практически потеряли человеческий облик, превратившись в кровожадных мутантов. От таких и бронежилет с каской не всегда спасали.

– Что-то быстро они подтянулись, – заметил Ануш.

Он был прав – обычно проходили десятки минут, прежде чем привлечённые звуками твари собирались в подобном количестве. Но и такой густой волны ужаса, словно подгоняющей толпу мертвецов, я прежде не ощущал.

– Это Злата, приём, – зашипела рация под сводом кабины. – Сзади нас нагоняют, ходу прибавьте.

– Впереди целая толпа, держитесь рядом, – предупредил я ребят. – Смотрите, чтобы вас не отсекли.

– Не беспокойся, Тихий, не потеряемся, – хмыкнула Злата.

Я вздохнул. Дисциплина в моём отряде была строгая, но

от излишнего словоблудия некоторых бойцов так и не удалось избавиться. С другой стороны, все они – бывшие гражданские, ещё совсем недавно жившие нормальной человеческой жизнью.

Все мы в той или иной степени стали бывшими...

Вот, например, та же Злата была подающей надежды спортсменкой, кандидатом в женскую «молодёжку» по биатлону, а теперь – обычная беженка, спящая исключительно в обнимку со своей винтовкой, иначе её всю ночь мучают кошмары. Зато стреляет она получше многих военных. Тоже бывших, к слову.

Так как страны, которой они присягали, больше нет...

Между тем, толпа зомби становилась ближе с каждой секундой, как бы намекая, что время рефлексировать ещё сегодня не пришло.

– Ох, и запарюсь же я машину отмывать... – посетовал водитель и воткнул пониженную передачу.

* * *

До посёлка мы добрались уже под вечер, вымотанные и уставшие. Город был просто запружен мертвецами, и если бы не Анушеван, досконально знавший все переулки и подворотни, нас много раз могли попросту смять. Бывшему таксисту пришлось вести колонну заковыристым маршрутом, избегая широких дорог и открытых пространств. Получилась

занятная такая экскурсия.

Родной город медленно, но неотвратно приходил в упадок. Когда я жил в нём, как-то не задумывался, сколько сил стоило поддерживать такую махину в чистоте и порядке. Прошло всего лишь полгода, а город уже превратился в бледную тень прошлого – с выбитыми стеклами и захламлёнными улицами, которые начали потихоньку зарастать травой.

Блокпост на въезде в Солнечный проехали с большим трудом. Сначала машины к облегчению Ануша долго поливали из шлангов, смывая останки неупокоенных, а потом построили всех на досмотр. Солдат на посту заметно прибавилось, из чего можно было смело делать вывод, что к нам опять прилетело горячо любимое начальство.

– Петрович, не перегибай, – предупредил я старшего смены, когда тот предложил всем раздеться для осмотра. – Понимаю, у тебя порыв служебного энтузиазма, но среди нас заражённых нет.

– У меня приказ.

– А мне положить на него, мы в стриптизёры не нанимались. Я сам проверяю людей и не хочу, чтобы они тут унижались перед твоим взводом.

Петрович был старый вояка, но заслуженной пенсией насладиться так и не успел. Раз такого опытного человека поставили на блокпост, значит, наше руководство предполагало большие неприятности.

– Ладно, проезжай, – вздохнул он. – А то ещё развернёшь-

ся, Господь твоя воля, и объясняй потом Бате, что случилось.

Я поморщился, но промолчал. Упоминание «господа» выводило меня из себя, но с этим приходилось мириться, — людям необходимо во что-то верить, иначе у них попросту опускаются руки.

А на счёт того, что я могу повернуть в любой момент, Петрович был абсолютно прав. В округе ещё немало мест, где скапливались выжившие люди, и везде опытные мародёры пользовались неизменным спросом. Взять хотя бы войсковую часть на Северном шоссе, там как раз сейчас целая группа пропала...

Массивные ворота распахнулись, и нас пустили внутрь. До того, как всё случилось, Солнечный был элитным посёлком, где жили исключительно солидные люди, предпочитавшие покой и тишину, поэтому дворцы и опоясывала внушительная стена, прерывавшаяся только укреплённым КПП. Знали бы строители, как она нам пригодится однажды...

Тут мы отбивались от первой и самой тяжёлой волны зомби, когда на троих имелась всего одна единица оружия, и приходилось сражаться чуть ли не врукопашную. Спустя полгода посёлок обзавёлся внушительным рвом и двумя смотровыми вышками, где как раз заканчивали устанавливать привозные тяжёлые пулемёты. Можно сказать, что жизнь стала налаживаться, но нас здесь было много, слишком много: три сотни бойцов плюс около шестисот гражданских. И до эвакуации на новое место жительства всю эту ора-

ву нужно как-то кормить.

Возле главного склада, под который выделили один из коттеджей, нас нетерпеливо поджидал Рафик с командой грузчиков.

– Сколько привезли? – тут же поинтересовался он, едва мы покинули машины.

– Не беспокойся, Рафаил, – я похлопал его по плечу. – Мы, как всегда, под завязку.

– Отлично! Слушай, Тихий, там тебя Батя звал, как приедешь...

– Что ж, пойду, проведаю. Калина, проследи за погрузкой! Остальным отдыхать.

Рафик всплеснул руками:

– Да что же ты, не доверяешь, что ли...

– Нет, – честно ответил я и пошёл по аллее в глубь посёлка.

К слову, Рафаил – единственный из обитателей Солнечного, который смог пережить эти страшные полгода. Большинство из его соседей-приятелей скоропостижно заразились ещё в первую неделю, но сам он был заядлым охотником и сумел отстоять своё право на жизнь.

На вертолётной площадке обнаружили сразу две винтокрылые машины, охранявшиеся несколькими бойцами. Наши неодобрительно качали головой, видя такие предосторожности, но обходили площадку стороной.

Я тоже не стал искушать часовых и повернул в сторону

насосной станции, установленной прямо над артезианской скважиной. Заодно напьюсь и приведу себя в порядок перед встречей с начальством.

Возле скважины у нас образовался стихийный рынок, где предприимчивые гражданские торговали зеленью и овощами, выращенными на декоративных лужайках. Со временем ассортимент значительно вырос, в основном благодаря усилиям мародёрских групп, а вот товарообмен остался исключительно натуральным. Калина как-то предложил ввести местные деньги в виде крышечек из-под кока-колы, но его всем посёлком подняли на смех.

Возле палаток, как всегда, крутилась мелкая детвора. Я вытряс из разгрузки горсть мятных леденцов, немного подтаявших на раскалённой крыше, и меня сразу же окружила гомонящая толпа. Малолетние вымогатели вытрясли всё, что я смог прихватить им на этот раз, и только потом соизволили пропустить к скважине.

– Вы им нравитесь, – заметил женский голос за спиной. – Хоть от вас за версту несёт смертью.

– Нет, им нравятся леденцы и прочие сласти, которые я регулярно привожу с собой, – возразил я и открыл кран.

Вода была холодной и вкусной. Я залпом выпил целую кружку, но со второй торопиться не стал, позволяя организму неспешно насытиться влагой.

– Нам надо поговорить.

Вот же упрямая!

– Мне нечего вам сказать. Люди, говорящие на разных языках, никогда не достигнут взаимопонимания.

Я повернулся и отметил, что обычно спокойная Мария встревожена, хоть и старается держать себя в руках. Такие сильные эмоции улавливаются лучше всего; странно, что я не почувствовал этого раньше. Впрочем, толпа счастливых ребятишек своей звонкой радостью может заглушить кого угодно. Даже её.

– Вы тоже это ощутили? – с надеждой спросила девушка. – Сегодня, около полудня...

– Да, – подтвердил я. – В этот раз особенно жутко. Сейчас весь город как кипящий котёл.

– Это Он подаёт нам знак, – зачастила Мария, вцепившись в мою руку. – Не отворачивайтесь от Него!

Я насколько мог мягко освободился и покачал головой:

– Свой крестик я выбросил в унитаз и спустил воду. Что бы ни творилось сейчас в городе, не стоит искать в этом какой-то сакральный смысл.

Мария понуро опустила повязанную платком голову.

– Вы не понимаете...

Я развернулся и пошёл прочь. Хорошая она девушка, а в том, что в православие ударилась после всего этого ужаса, ничего странного нет. Потерять маленького ребёнка с мужем всегда легче, если это – всего лишь испытание, ниспосланное Им... Тьфу!

Другое дело, что способности Марии куда выше моих. Но

для мародёрского дела она, увы, не годилась, — не могла поднять руку на зомби. А это в нашем деле критично. Использовать же её, как простой детектор — забивать гвозди микроскопом. Электронным.

Предчувствие... Сколько людей оно спасало? Большинство слепо шагают навстречу смерти в полной уверенности, что ничего плохого не случится. Только не с ними. И намного меньше тех, кто способен ощутить опасность, подстерегающую за углом. А таких, как мы с Марией, вообще считанные единицы.

У меня лично этот дар от прадеда. В далёкую Великую Отечественную он угодил в штрафбат и смог выжить только благодаря необыкновенному чутью на опасность. Отец рассказывал, как однажды прадед развернул продовольственную колонну, поехав в обход просто потому, что почувствовал — вперёд нельзя. Как оказалось потом, на ту дорогу высадились немецкие десантники, успевшие покрошить немало грузовиков, прежде чем скрыться в лесу.

Да и у самого отца тоже что-то было...

С этими мыслями я подошёл к нашему импровизированному штабу, который располагался в бывшем здании службы безопасности посёлка. На входе помимо наших бойцов стояли еще четверо со штурмовыми винтовками наперевес. Меня вежливо попросили оставить оружие и амуницию снаружи и только потом пропустили внутрь.

В узком коридорчике отчаянно пахло выпечкой и свеже-

заваренным чаем. Я кивнул одноногому сержанту Володько, который разбирал бумаги в приёмной, и постучал в дверь бывшего начальника охраны. Старую табличку давно уже сняли, заменив трафаретной надписью «*Кириллов А.С.*», а ниже кто-то приписал, вроде как для пояснения, крупными буквами – «БАТЯ».

– Войдите!

За дверью запах усилился, но в воздухе я почувствовал сильную нотку раздражения. Похоже, тут шёл оживлённый спор. Андрей, теперешний хозяин кабинета, нервно барабанил пальцами по деревянной столешнице, а дорогие гости с интересом уставились на меня.

Их оказалось всего двое. Немолодой, но ещё крепкий полковник и сухощавый мужчина с аккуратной бородкой и длинными каштановыми волосами. Ну прям мессия в полевой форме без знаков различия.

– Здравствуйте, – я сел на свободный стул и уточнил. – Вызывали?

Андрей хмуро кивнул, не сводя тяжелого взгляда с полковника. Тот, нисколько не смущаясь, продолжал меня рассматривать, будто автомобиль в салоне выбирал.

– Меня зовут Николай, – между тем представился длинноволосый. – А вы...

– Тихий.

– А нормальное имя у тебя есть? – поинтересовался полковник.

– Уже нет.

Военный раздражённо фыркнул, но промолчал.

– Послушай, – подал, наконец, голос Андрей. – У нас серьёзные проблемы, но если ты откажешься, то...

– Да ладно тебе, – махнул рукой я. – Нужен проводник в город?

– А ты соображаешь, – отметил полковник. – Это очень хорошо.

– Надеюсь не прямо сейчас, ведь город напоминает встревоженный улей, – напомнил я.

– Сожалею, но выдвигаться нужно как можно скорее, – грустно улыбнулся Николай.

Ну как всегда – у таких людей всё должно быть уже «вчера». Терпеть их не могу за это.

– А почему нельзя подождать, когда всё утихнет?

– Потому что дальше будет только хуже.

* * *

– Как вы знаете, первые инфицированные появились в нескольких небольших городах по всему миру, – Николай переключился на новый слайд. – Денвер, Уишань, Новокубанск, Тьерра-Колорадо...

– Если бы зараза пошла с одного места, её смогли бы остановить, – добавил полковник. – Но потом волна заболеваний прокатилась и по мегаполисам.

– Это известно всем, – кивнул я. – Наверное, в мире не осталось такого идиота, который думает, что эпидемия началась случайно.

Старую карту посёлка на стене сменило развернутое полотно проектора. Перед глазами мелькали разные города, но происходило в них одно и то же: мёртвые всюду инфицировали живых, пополняя свои ряды. Реки крови, ужас и безысходность в глазах людей...

Гости оставались невозмутимыми, а вот нам с Андреем поплохело от навалившихся воспоминаний. Мы в это время ни в каких бункерах не отсиживались, а были на улицах, пытаясь хоть кому-то помочь. Тогда наш лидер, ещё служивший в МЧС, и стал полностью седым. До сих пор, закрывая глаза, я вижу его, несущегося с двумя перепуганными детьми на руках впереди толпы перемазанных кровью зомби. Водитель автобуса всё-таки дождался опаздывающих, косясь на «Макаров» в моих дрожащих руках, а новообращенные мертвяки рассерженно зашипели, когда добыча ускользнула прямо из-под их носа.

В тот раз нам с ним удалось одержать пусть и маленькую, но победу...

– Вы слушаете?

Я тряхнул головой, отгоняя призраков прошлого.

– Всё в порядке, можете продолжать.

– В настоящий момент система слежения NORAD функционирует лишь частично, но даже ограниченных ресурсов

хватило нам с коллегами, чтобы собрать некоторые интересные данные.

Ещё одно из немногих достоинств конца света – больше не стало своих и чужих людей. Только мёртвые и ещё живые.

– Это Денвер за час до регистрации первого инфицированного.

На полотне высветился очередной снимок со спутника. Ряды улиц, ровненькие кварталы, тёмная лента реки...

– И что не так?

– Вот это голубое пятнышко в левом нижнем углу.

В искомом месте действительно обнаружилась размытая клякса небесно-голубого цвета.

– Это двухместный вертолёт, – пояснил Николай. – А самое интересное, что по показаниям радара на момент съёмки никаких летательных аппаратов в этом секторе не было.

– То есть объект был замечен только визуально?

– Да, и через некоторое время он просто исчез.

Замелькали другие снимки разного качества, но везде присутствовал голубой силуэт, а на последнем его сфотографировали и с земли на фоне какого-то небоскрёба и улыбающейся девичьей мордашки. Симпатичная... Была.

– Аномалию заметили не сразу, а потом стало уже не до этого. Сейчас, когда крупные объединения выживших людей более или менее наладили связь между собой, стал возможен обмен информацией, и оказалось, что вертолёты фиксировали не только в Северной Америке, но и на других материках.

Каждый раз – перед самой Зет-вспышкой.

– И опять только визуально?

– Да, однажды один из них чуть не столкнулся с заходящим на посадку самолётом в аэропорту Сиднея, но ни диспетчер, ни пилот не засекли его на приборах до того, как увидели своими глазами.

– А через некоторое время в городе массово появились инфицированные, – предположил Андрей.

– Верно, – кивнул Николай. – Связь между этими событиями подтверждена многократно.

– И теперь за вертолётиками идёт охота? – спросил я.

– Да, но пока что – безрезультатно. Несколько месяцев не поступало никаких сообщений о них, но недавно в Ганновере военные объявили, что засекли похожий аппарат в центре города.

– В таких местах обычно максимальное скопление мертвяков. Что там могло кому-то понадобиться?

– Пока неизвестно. Бундесверовцы послали три группы спецназа на разведку, но ни одна из них не вернулась. А потом...

– Со стороны города хлынули зомби, словно дерьмо из забитой канализации, – скривился полковник. – Больше никто на связь оттуда не выходил.

– Некоторые группы выживших замолкали и раньше, – продолжил Николай. – Теперь мы знаем, в чем причина. До этого людям было проще выживать, отдалившись от городов

и прочих крупных населённых пунктов. Вирус, поражающий человеческий организм, оставляет некоторые участки мозга нетронутыми, поэтому инфицированные безотчётно стараются держаться тех мест, где они когда-то жили. К сожалению, это всё, что ученым удалось выяснить, до сих пор механизм распространения болезни можно наблюдать лишь косвенно. Некоторые вообще заявляют, что это не вирус...

– Да хоть кара Господня, – пожал плечами полковник. – Но первопричина всех бед в этой голубой винтокрылой херне!

– ...Которая объявилась и в нашем городе, – закончил я.

Николай кивнул и вывел последний спутниковый снимок. Вертолёт беспечно летел над мёртвыми улицами, по которым я бегал ещё ребёнком. Тварь.

– Когда выдвигаемся?

– На рассвете, – ответил полковник. – Эвакуация Северной уже началась, вы на очереди. Дома, конечно, достроить не успели, но хоть периметр серьёзно укрепили, да и полигон располагался далеко от города...

– Людей у нас мало, так что будем рады, если с вами пойдёт ещё кто-нибудь, – вставил Николай.

– Я возьму двоих. Сколько пойдёт с вашей стороны?

– Тоже трое, – он улыбнулся. – Включая меня.

– Вы хоть стрелять-то умеете?

– Немного, но это как раз и не принципиально, потому что огнестрельное оружие мы с собой не возьмём.

– И ты ему веришь?

– По крайней мере, он считает, что говорит правду, – я пожал плечами. – А эксперты такого уровня, работавшие на серьёзную госконттору, ошибаются крайне редко.

Калина недоверчиво фыркнул.

– Если есть вариант надрать задницу козлам, которые это всё заварили... – Злата сжала кулаки. – О, я в деле, без вопросов.

Мы сидели в крохотном домике для прислуги, облюбованном нашей группой. Остальные отдыхали, уставшие после тяжёлого рейда, их я будить не стал, сразу решив, кто именно со мной пойдёт.

– Эти неуловимые вертолёты... – Калина сделал неопределённый жест. – Как такое вообще возможно?

– Вот и узнаем, когда его экипаж возьмём, – решительно ответил я.

– У других групп это не особо получилось, сам говорил, – возразил парень. – Сколько уже было попыток, шестнадцать?

– По крайней мере, о стольких известно полковнику. Ты же знаешь, я в таких делах не ошибаюсь.

– Если бы ещё и мысли читал...

– Раскатал губу, – я невесело улыбнулся. – Кашпировского из меня не делай.

– Он бы нам пригодился. Спецназа вон сколько полегло... Мы замолчали, думая каждый о своём.

– А почему именно мы двое? – неожиданно спросила Злата.

Ответ напрашивался сам собой, но произнести это вслух было тяжело.

– Вы оба слишком много потеряли... И пойдёте до конца. Как и я.

– Это точно, – кивнул Калина. – Короче, я тоже подписываюсь. Шашку-то можно с собой взять?

– Шашку – да, огнестрел – нет.

– Пойду Риту почищу, а то ж никто из этих олухов не догадается...

Злата с грустью вздохнула и вышла из комнаты.

Ритой звали её винтовку. Я никогда не уточнял, чьё это имя, среди выживших считается плохим тоном спрашивать о погибших. Стреляла девушка прекрасно, а на то, что её частенько видели разговаривающей с СВУ, все дружно закрывали глаза.

Мы с Калиной понимающе переглянулись и пошли к вертолёту. Обычному, не голубому. Для заброса группы нам выделили тот, что поменьше, с полным боекомплектom на подвеске.

– Он отстреляется в противоположной части города, привлекая туда внимание инфицированных, – пояснил Николай. – Идти придётся пешком, так что это хоть немного об-

легчит нам дорогу.

— А просто подлететь и расфигачить там всё не вариант? — поинтересовался Калина, с любопытством рассматривая боевую машину.

— Пробовали. Приборы выйдут из строя, и он упадёт, — уверенно заявил эксперт. — То же самое происходит с любыми другими аппаратами. Однажды попытались бить ракетами, но они взрывались на подлёте. Современное оружие, увы, оказалось бессильно...

— Вот поэтому мы и идём, как будто музей ограбили?

Замечание было недалеко от истины. Молчаливые спецы Николая, коротко представившиеся Сергеем и Вадимом, вооружились настоящими мечами и булавами. Калина с дедовской шашкой был как нельзя кстати, я же выбрал себе небольшой клинок вдобавок к привычному арбалету. Доспехи, правда, современные: удобные комбезы повышенной защиты. Нам достались такие же, и последние минуты перед стартом мы подгоняли их под себя.

Чуть позже подошла Злата и переделалась у всех на виду, ничуть не стесняясь. Все на площадке, включая эксперта, разом уставились на её красивую, тренированную фигуру, и только спецы продолжали невозмутимо проверять экипировку.

Раньше я на вертолётах не летал, но резкий взлёт не вызвал никаких неприятных ощущений, только уши на пару мгновений заложило. Злата заняла место возле меня и мол-

ча протянула свернутый белый платочек. Уже по одному его виду можно было догадаться, чей он, но ещё раньше я почувствовал тепло, исходящее от свёртка. Мария.

Я отрицательно покачал головой. Злата неодобрительно нахмурилась, но настаивать не стала, и положила платочек обратно в разгрузку. Тем временем Николай активировал гарнитуру, которую нам выдали перед стартом, и весело поинтересовался:

– Ну, как полёт?

– Нормально, – ответил Калина, по его лицу было видно, что парня начало укачивать. – Но мне было бы спокойнее лететь в обнимку с пулемётом.

– Увы, – развёл руками эксперт. – Я своими глазами видел, что случилось с группой в Ярославле, они погибли в забаррикадированном здании, и над телами не успели поработать инфицированные. У всех одновременно рванул боекомплект, а трансивер, который установили в соседней комнате, выглядел как оплывшая свеча.

– Очень вдохновляет, – заметила Злата. – И вы решили, что с холодным оружием у нас больше шансов?

– По крайней мере, взрываться будет нечему.

Солнце медленно всходило над мёртвым городом. С такой высоты казалось, что всё в порядке, стоит приземлиться, и тебя окружают люди, спешащие на работу или наоборот – возвращающиеся с ночной гулянки домой.

Каждое утро я шёл по этим улицам пешком, позволяя об-

гонять себя стайкам гомонящих школьников, вдыхал свежий воздух и наслаждался любимой музыкой в наушниках. Только сейчас понял, как мне этого всего не хватает...

– Садимся, – предупредил пилот, и вертолёт резко пошёл вниз.

Засосало под ложечкой, будто на аттракционе, но уже через несколько секунд мы приземлились на плоской крыше широкого торгового комплекса. Дверь плавно скользнула вбок, и нам пришлось покинуть безопасное нутро боевой машины. Гарнитура и вся прочая электроника остались на борту.

– Как на дракона идём, – выразил общее мнение Калина. – А нас потом вообще найдут?

– Пилот опытный, – пожал плечами Николай. – Подберут всех, не волнуйтесь.

Вот тут я и уловил нотку в его голосе, которой боялся больше всего – фальшь. Что ж, настало время поговорить по душам.

– Раз уж мы пошли все вместе на такой риск, давайте без официоза, – предложил я. – И вдобавок нужно прояснить несколько моментов.

– Каких это? – удивился эксперт.

– Откуда ты, Коля? Что за госконтора, где ты прежде работал?

– Тебя сейчас меньше всего должны волновать такие нюансы.

– Меня волнует то, почему такого специалиста послали на убой, как простого разведчика?

– Я сам вызвался.

– На убой? – переспросила Злата.

– Вертолёт не вернется, – пояснил я. – Коля, ты не знал, что кроме зомбей я хорошо чувствую человеческие эмоции?

– Ещё и эмпатия. Любопытно, – эксперт задумчиво огладил бородку. – Мне сказали, что у тебя нюх на опасность, но такой уровень...

– Уровень чего?

Спецы заметно напряглись, но Николай успокаивающе протянул руки ладонями вперёд.

– Давайте не ссориться, ребята. Про вертолёт ты немного неправильно понял – я просто не верю, что он сможет вернуться. Кто бы ни находился сейчас в центре города, шума он не любит. Вряд ли пилот успеет израсходовать хотя бы половину боезапаса.

– Всё лучше и лучше, – проворчала Злата. – Значит, выбираться будем на своих двоих?

– Именно.

– Хорошо, здесь всё понятно, – кивнул я. – А что за самоотверженность? Геройство в одном месте заиграло?

– Иначе моё командование не санкционировало бы последнюю попытку. Я своим поступком показал, что на сто процентов уверен в правильности моих выводов. Они не ожидали такого и дали добро, пусть и нехотя.

– Последняя попытка?

– Умеешь ты вычленять нужное, – усмехнулся Николай. – Больше группы для захвата объекта посылать никто не будет. Если бы мы сейчас тут не стояли, в город уже прилетела бы баллистическая ракета.

– Их же сбивают на подлёте? – напомнил Калина.

– Эта с ядерным зарядом. Ей и не обязательно попасть в цель.

– И сколько у нас времени?

– Восемь часов. Если до этого мы не разведём на какой-нибудь крыше сигнальный костёр, здесь появится очень большая воронка, поверьте мне.

* * *

Последний и самый громкий взрыв заставил жалобно задребезжать чудом уцелевшую витрину соседнего магазина.

– Накрылась птичка, – констатировала Злата.

Мы шли переулками, прячась в тени домов. Чем ближе к центру, тем явственней я ощущал звенящую тревогу. Мертвяков было на удивление мало, редкие стычки с одиночками не представляли серьёзной угрозы. По словам Николая, зомби на данный момент концентрировались в пригороде, чтобы хлынуть оттуда неудержимой волной.

Всё, как и прежде, в других городах.

– Как мы вообще отыщем вертолёт или хотя бы его экипаж

за такое короткое время? – спросила Злата. – Это посложнее, чем иголку в стоге сена нашарить.

– Он сам нас найдет, – уверенно заявил эксперт. – Среди той бойни в Ярославле обнаружили чужие отпечатки мужской обуви. Кто-то был там, когда всё это случилось, проверил, нет ли выживших, и ушёл.

– Тогда чего мы прёмся навстречу, не легче ли занять оборону?

– А кто даст гарантию, что он в этом случае нападёт? – ответил я за Николая. – Сделает свои дела и улетит восвояси.

– То есть, мы ещё и наживка, – вздохнул Калина. – Чувствую, что хороших новостей лучше сегодня не ждать.

Очередной переулок привёл нас к широкому проспекту. Дальше шли высотки, постепенно вытеснявшие промышленные сооружения, которые когда-то кормили наш город.

– Пойдём внутренними дворами мимо церкви и выйдем к бывшему зданию администрации, – прикинул я. – За ней плотная застройка, и там же – самая высокая свечка в округе. С неё можно оглядеться и решить, куда двигаться дальше.

– Неплохо, – оценил Николай. – Тебя нам просто бог послал.

Хоть я и почувствовал, что последняя фраза произнесена специально, скрыть свои эмоции до конца всё же не смог. Что-то промелькнуло на моём лице, заставив его уточнить:

– У тебя какие-то проблемы с верой?

– Как и у всех.

Развивать тему эксперт не стал. Дворы, между тем, привели к почерневшему остову церкви. Купол обвалился внутрь, а обгоревшие стропила придела торчали, будто рёбра обглоданного скелета.

Мои родители часто ходили сюда, и неудивительно, что именно здесь они тогда искали защиту...

– Мне тоже одно время казалось, что бог отвернулся от нас, – вздохнул Николай. – Твоя работа?

Я кивнул. Сил на то, чтобы спросить, как он догадался, просто не осталось.

– А зачем?

– Там были все, кого я любил.

Если бы они остались дома... Забаррикадировались и ждали помощи, как сделали их соседи. До сих пор эти милые люди боятся попасться мне на глаза в посёлке, как будто в случившемся есть их вина.

К церкви я прорвался лишь день спустя, когда было уже слишком поздно. Бог не защитил своих почитателей, и мёртвые осквернили его святилище. Мне осталось только сжечь здание вместе со всеми, кто, переродившись, перестал быть моей семьёй.

– Соболезную.

Группа молча прошла мимо пожарища. Потянулись безликие здания хрущёвской застройки, их в последнее время начали сносить, планируя построить на их месте огромный торгово-развлекательный комплекс. До самой администра-

ции было подозрительно тихо, даже одиночные зомби перестали попадаться. И тут позади нас резко возникла волна злобного напряжения, как накануне в складских ангарах.

– Толпа идёт!

Мы рванули через брошенную стройплощадку, которую хотели обогнуть по периметру. Впереди показался недостроенный магазин, окружённый широким кольцом парковочной зоны. Звуки погони быстро приближались, становясь всё громче. Ощущение опасности стало нестерпимым, будто кто-то живьем сдирает кожу, и я отчетливо понял – напустырь нам высовываться нельзя.

– Вбок! Через траншею!

О том, что к магазину неплохо было бы подвести коммуникации, строители традиционно вспомнили уже после укладки асфальта. Поэтому его разбили отбойниками и выкопали технический канал, по пояс взрослому человеку. Через эту импровизированную траншею мы и побежали, оскальзываясь на пластиковых трубах, устилавших дно.

Едва группа преодолела половину расстояния, как позади прогрехотал взрыв. Все инстинктивно пригнулись, и я ощутил, как над головой со свистом пролетел кусок дорожного покрытия. Если бы мы пересекали парковку поверху, то добывать мертвякам наверняка было бы некого. Нас целенаправленно загоняли, будто дичь на охоте.

Второй взрыв чуть не накрыл группу уже у самого магазина. Перед этим я успел оглянуться и увидеть, что нагоняв-

шие нас шустрые мертвяки достигли края стройплощадки. Их оказалось не больше двух десятков – угроза существенная, особенно на открытой местности, но внутри здания у нас оставался шанс. Если бы не этот чёртов обстрел...

Зданию до отделочных работ было ещё далеко. Повсюду стояли поддоны со стройматериалом, которые могли дать неплохую защиту.

– Занять оборону!

Спецы уже выпустили пару болтов в набегавших упырей, и остальные последовали их примеру. Я примостился за сваленными в кучу мешками цемента, выбрал цель и плавно, насколько смог, спустил курок. Зомби поймал стрелу лицом, пробежал ещё пару шагов по инерции и рухнул замертво. Его примеру последовали ещё несколько подстреленных сородичей, образовав кучу-малу из копошащихся тел.

Арбалет перезаряжается долго, но мы выиграли несколько секунд для второго залпа, а там можно и врукопашную с теми, кто добежит.

Но невидимый противник не хотел давать нам шанс выбраться из западни живыми. Не успел я прицелиться во второй раз, как через широкий витринный проём влетел огненный сгусток, оглушительно взорвавшийся внутри магазина.

Меня спасли мешки, безропотно принявшие весь жар и ударную волну на себя. Воздух наполнился цементной пылью, полностью перекрыв обзор, и мертвяки без проблем проникли в здание.

То, что творилось потом, люди обычно видят в кошмарах, просыпаясь в холодном поту. Ничего нельзя было разобрать на расстоянии вытянутой руки, и со всех сторон напирали зомби. Я крутился волчком – рубил, колол, уворачивался от зубов и когтей, полностью положившись на своё чутьё.

Через какое-то время прогремел ещё один взрыв, но я смог почувствовать опасность и укрылся за толстой колонной, а вот погнавшегося за мной упыря взрывная волна бросила на торчавшую арматуру, на которой он и повис, проткнутый, словно бабочка в альбоме натуралиста.

Больше на меня никто не нападал. Крепко сжимая меч в руке, я начал медленно обходить место побоища и почти сразу же наткнулся на Злату. Девушке тоже досталось от взрыва – осколки пробили тело в нескольких местах, а ноги вывернуты под неестественным углом. Судя по окровавленному следу, она проползла пару метров, пока силы не оставили её. Любой другой давно бы уже отключился, но выносливая девушка ещё оставалась в сознании.

– Возьми... Я обещала...

В руке девушка сжимала побуревший от крови платок Марии.

– Злата, да как же так... – я опустился перед ней на колени.

Одного взгляда хватило, чтобы понять – всё кончено. Будь даже за стеной готовая к приёму операционная с бригадой лучших врачей, слишком поздно. Смерть уже оставила пе-

чать на лице девушки, но в гаснущих глазах не было страха.

– Она позаботится... О Рите...

– Это просто винтовка, как ты не поймёшь! – простонал я. – Зачем я втянул тебя, идиот...

Злата не ответила, остекленевшим взглядом уставившись куда-то под потолок. Я дрожащей рукой закрыл ей глаза и вынул из сжатых пальцев чёртов платочек. В свертке оказался лишь серебряный крестик на простой черной верёвочке, без всякой записки. Пару секунд я боролся с искушением отшвырнуть его куда подальше, но, взглянув на девушку, неожиданно для себя самого надел.

Нужно продолжать поиски – вдруг кто-то ещё смог пережить этот кошмар. Осторожно ступая по строительномухламу, я пошёл дальше. Спецы нашлись практически сразу, окружённые порубленными в куски упырями. Ни пульса, ни дыхания, оба мертвы.

Откуда-то слева раздалось сдавленное хихиканье. Помещение понемногу заволакивало дымом, и пришлось идти практически на ощупь. Часть недостроенного второго этажа уже обрушилась вниз, остальное трещало, грозя развалиться в любую минуту. Преодолев завалы, я обнаружил Калину, прислонившегося спиной к одной из колонн.

– Волшебника не видно, Тихий? – хихикнул он.

– Кого?!

– Ну, этого... Как в песне, ей-богу...

Я присел рядом. Из ушей у парня кровь вроде не текла, а

вот левая нога выглядела так, будто ей хотели пообедать.

– Покусили меня, – проследил он мой взгляд. – Через час буду бродить, завывая, и мечтать о парной человечинке...

Тут возразить нечего. Царапины от когтей, хоть и с большим трудом, но заживали, а вот укусы были смертельны. Именно слюна являлась источником заразы, выкосившей большую часть человечества.

– Николая видел?

– Не-а, – помотал головой парень, с трудом поднимаясь. – Похоже, мы одни остались. И волшебник.

– Калиниченко, у тебя сотрясение, что ли?! Какой ещё волшебник?

– С голубого вертолёта! Ты видел, чем он в нас запульнул? Это ж чистый фаербол...

– Не мели ерунды, нужно выбираться отсюда поскорее.

– Тебе, Тихий, выбираться, а я уже умер. Но есть отличная идея – помнишь, что рассказывал Николай про этого ублюдка?

– Он пришёл тогда убедиться, нет ли выживших, – вспомнил я.

– Вот и побуду приманкой напоследок, – нервно хихикнул Калина. – Или отсекай мне голову прямо тут. Шашку только сохрани. И прощай.

Сильно хромая, он побрёл прочь. Я взял семейную реликвию, оставив свой меч у колонны, и прислушался к внутренним ощущениям. Поблизости опасности не чувствовалось,

но где-то на границе восприятия я уловил нечто, пульсирующее тревогой. Кто-то явно размышлял, стоит ли входить в здание.

Волшебник. Разве такое возможно? Я припомнил огненный сгусток – на термобарический заряд он не походил. Тогда что? Не фаербол же, в самом деле...

– Эй ты, Саурон хренов! – громко послышалось впереди. – Иди сюда, разберёмся по-мужски!

Я осторожно крался за напарником, прикрываясь завалами. Здание трещало, дым становился всё гуще, но последнее мне было только на руку. Лишь бы противник повёлся на приманку.

– Ах, вот ты какой, – расхохотался Калина где-то впереди. – Совсем не похож...

Сверкнула тусклая вспышка, будто от электрического разряда, и парень замолк. От ярости свело скулы, и только огромным усилием воли я не бросился вперёд. Нет уж, пусть сам подойдёт. Теперь мне известно, где он.

Через несколько секунд неподалёку захрустел мелкий мусор под подошвами врага. Судя по звукам, он обходил завал, за которым я прятался, по широкой дуге. Проклятье! Будь у меня арбалет – всадил бы болт, не выдавая себя, а так придётся волей-неволей раскрыться.

Шаги слышались всё отчетливей; кто бы это ни был, он явно не скрывался. А вот с внутренним взором творилось что-то неладное – не ощущал я никого в той стороне. Ни

единой эмоции. И как быть?

Всё плохое в моей жизни происходило, когда я шел наперекор своим предчувствиям. Что ж, пришло время исправлять свои ошибки. Звуки приближались с каждым мгновением, но я даже не шелохнулся.

Оказалось, противник тоже использовал приманку. Шаги шелестели на пустом месте, я убедился в этом, когда звук донесся с освещённого огнём места. А вот позади кралась неясная тень, подолгу выжидая в укрытии. Я пропустил её мимо себя и двинулся следом, постепенно сокращая дистанцию. Фигура замерла возле Златы, напоминающей низверженного ангела, хотя та была без сомненья мертва. Неужели хочет дожидаться, пока она восстанет?

Приблизившись, я разглядел, что неведомым противником был длинноволосый парень в джинсах, сжимавший какой-то предмет в руке. Он всё-таки почувствовал меня, обернулся, но было уже поздно – я оказался на расстоянии удара.

Шашка, как и катана, позволяет бить без замаха в ограниченном пространстве, и увернуться от неё практически невозможно. Вот только ударить я не успел – магазин устал стоять на дрожащих колоннах и сложился внутрь себя. По голове ударило чем-то тяжёлым, и перед глазами вспыхнула темнота...

Сознание пришло рывком, будто я вынырнул из глубины на поверхность. Голова против ожидания почти не болела, будто и не приземлялся на неё солидный кусок развалившегося магазина. А вот руки саднили – кто-то привязал их капроновой верёвкой к спинке кушетки, на которой я лежал.

Помещение оказалось вполне знакомым – последний этаж ремонтно-машиностроительного завода, довелось побывать тут пару раз. Эти огромные окна-витражи из советского стеклянного кирпича ни с чем не спутаешь, таких у нас в городе больше нигде не осталось. Здесь, если не изменяла память, располагались мелкие мастерские и обмоточный цех. Лампы под крышей горели ровным светом, значит, запущен генератор в подвале, вот только зачем?

– А ты молодец – быстро восстановился!

К кушетке, где я лежал, подошел давешний парень. Длинные волосы цвета спелой пшеницы собраны в хвост, разношенные кеды, застиранная майка. И это – человек, за которым охотятся все оставшиеся в мире военные? Серьёзно?

– У тебя куча вопросов, а времени мало, – он взглянул на часы. – Сразу скажу, что вытащил тебя не просто так, но об этом позже. Давай начнём с простого – как тебя зовут?

От комбеза и разгрузки не осталось и следа – хипарь явно не поленился тщательно меня обыскать, даже обувь зачем-то

снял. Видимо, насмотрелся голливудских боевиков про ножи за голенищем и спрятанные кобуры, поэтому решил перестраховаться. У меня ничего такого, естественно, не было.

Уже по тому, как он связал мои руки, было видно, что передо мной дилетант, твёрдо уверенный, что чем больше витков сделано вокруг запястья, тем сложнее освободиться. Узлы простейшие, разве что бантика сверху не хватало. Ноги тоже оказались примотаны к низкой металлической спинке, но это не беда при наличии свободных рук, а пока пришлось поддержать разговор:

– Тихий.

– Интересное имя. А меня – Шон Брэдли, приятно познакомиться.

Парень улыбнулся. Говорил он без всякого акцента, на чистейшем русском. Потомок эмигрантов? Странный тип.

– И чего ты забыл в нашем маленьком городке?

– Хочу исправить то, что натворил.

– Так все эти восставшие мертвецы – твоя работа?

– Отчасти – да. Но поверь, я не хотел, чтобы получилось именно так...

– То есть смерть нескольких миллиардов людей не входила в твои планы?

– Все совершают ошибки, – вздохнул Шон. – Я хотел совсем не этого, поверь мне. Взгляни-ка сюда.

В руке длинноволосый держал небольшой шар, по поверхности которого, как по мыльной пленке, причудливо сколь-

зили разноцветные пятнышки.

– Чувствуешь?

Предмет пульсировал, словно человеческое сердце, излучая тепло и спокойствие. Я кивнул.

– И что это?

– Понятия не имею, – хмыкнул Шон. – Я обнаружил эту штуку на раскопках в Карпатах. Наша археологическая группа нашла ни много ни мало Ноев ковчег, точнее, то, что от него осталось. Сначала нас просто подняли на смех, а потом... Понаехало столько представителей спецслужб, сколько ты себе даже представить не в состоянии. Группу продержали взаперти около полугода, потом отпустили, взяв подписку о неразглашении. Кстати, я её сейчас нарушил, забавно...

– И как ты смог сохранить этот шар?

– Тут самое интересное, – принялся объяснять длинноволосый. – Едва я взял в руки этот артефакт, как почувствовал силу, которая до этого дремала во мне. Это трудно объяснить, но с помощью него талантливый человек может творить настоящие чудеса!

– Колба с манной, – усмехнулся я. – А ты, стало быть, чародей.

– Вроде того, – кивнул Шон. – С точки зрения современной науки это чистое волшебство. То же самое подумали бы про мобильник, попади он в средние века. Артефакт помогает раскрыть внутренние силы людей, но далеко не всех.

Лишь избранные обладают даром, который и в обычной жизни выделяет их из серой массы. Ты ведь сам такой – чувствуешь опасность, настроение людей... Я тоже с этого начинал.

– И почему же ты не почувствовал меня в магазине?

– Силы не безграничны, а на вашу группу, прости, их ушло неожиданно много. Благодаря тебе, кстати. Думаешь, мне есть дело до этих разведчиков, которые вслепую пытаются найти меня? Убить их – совсем не проблема, как муху прихлопнуть. Я не развлекаюсь охотой, но приходится бить не в полную силу, чтобы выяснить, чего они стоят...

– Ты отбираешь помощников, что ли? После того, что натворил?!

– Да пойми – всё, что произошло, задумывалось совсем не так... Я был ослеплен могуществом, не умел ещё толком управлять энергетическими полями Земли... Потеря близких в глупой автокатастрофе стала последней каплей. И я решил сделать так, чтобы люди перестали умирать. Совсем.

Я замолчал, переваривая сказанное. Верно подмечено, что благими намерениями вымощена дорога в преисподнюю, но то, что я слышал, верх идиотизма. Хуже свихнувшегося социопата, наделённого огромной мощью, может быть только искренний благодетель.

– И как твои полёты по городам исправят положение?

– Многие из населённых пунктов стоят не просто так, а на пересечении энергетических полей. Я провожу здесь... некоторое манипуляции, так сказать, чтобы заклятье охва-

тило всю планету. В таких вещах куча ограничений и поправок, нельзя просто взять и сделать то, что хочешь. Ну, например, чтобы успешно телепортироваться, нужно подняться на высоту около ста футов от поверхности земли. Поэтому приходится гонять на вертолёте.

– А чтобы метнуть огненный шар?

– Хитрец, – покачал головой Шон. – Нужно на две минуты застыть в одной позе, аккумулируя энергию. Но не обольщайся, если попытаешься сделать глупость, у меня в запасе есть вот это.

Он щелкнул пальцами, и из них вырвалась яркая искра, проделавшая маленькую дырочку в металлической крыше.

– Интересно. Именно этой штукой ты убил парня из моей группы?

– Я просто оборонялся. Вы же со мной тоже не чай пить шли, с мечами и арбалетами! А мне позарез нужно закончить все приготовления. Мёртвые наконец упокоятся, а живые вздохнут спокойно. Поверь, если этого не сделать, человечество обречено. Зомби будут продолжать мутировать, питаясь человеческим белком, и рано или поздно сметут остатки выживших.

– Пока что-то этого не наблюдаю. Незаражённых людей осталось мало, основная масса упырей отъелась в первые дни эпидемии. А обычные зомби существенной угрозы не представляют – слишком медлительны и неповоротливы. Только твои прилёты заставляют всю эту разношёрстную толпу по-

кидать города.

– Боюсь, скоро такое начнётся везде и без моей помощи. Времени осталось мало, в одиночку я могу и не справиться. Пожалуйста, забудь о своих потерях и подумай о тех, кто ещё жив на этот момент, без нашей помощи у них нет шансов. Пусть Немезида сегодня отдохнёт, доверься лучше голосу разума.

– Разум подсказывает, что этой штукой вряд ли можно сделать что-то хорошее, – я покачал головой. – Кто знает, может, старина Ной просто хотел полить свой огород волшебным дождичком с неба. А получилось так, что нет ни одного народа на Земле, в мифологии которого не присутствовал бы Великий Потоп. Не думал об этом?

– Ты слишком категоричен, – вздохнул Шон. – Полежи тут, а я пока делами займусь.

Едва он закрыл за собой скрипучую дверь, как я принялся за путы. Свяжи парень запястья специальным узлом, шансов практически не было бы, а эти ослабли после нескольких минут работы. Руки, обильно смазанные кровью из ссадин, отлично скользили по бечёвке – ещё один минус капрона.

Чтобы отвлечься от боли, я обдумывал услышанное. В артефакт и магию верилось слабо, хоть я и чувствовал исходящие от шара потоки энергии, а вот в остальное не верилось совсем. Катастрофа разразилась не за один день, и Шон должен был увидеть плоды своих трудов, колеся из города в город. Начнись эпидемия лишь в нескольких небольших насе-

лённых пунктах, её бы остановили, в этом полковник прав. С жертвами, потерями, но остановили бы.

Отсюда следует вывод – парень целенаправленно заражал как можно больше людей, а значит, и сейчас ни черта не стремится всё исправить.

Он хочет закончить начатое.

Освободившись, я принялся лихорадочно обшаривать цех в поисках оружия. Как и ожидалось, здесь нашлось немало полезных инструментов, подходящих для умерщвления спятивших волшебников. Прикидывая, что выбрать из этого разнообразия, я наткнулся взглядом на импровизированную деревянную мишень на стене, в которой торчал самодельный нож. В принципе, ничего удивительного; когда вокруг куча станков и металла, как ещё развлечься трудягам в свободное время? Балансировка, конечно, отставала от заводских моделей, но на короткое расстояние кинжал можно было метнуть без потери в точности.

Так, а что дальше? Бегать по цехам в надежде, что первым почувешь врага... Но против меня будет сильный, отдохнувший убийца, чуйка у которого наверняка выше. Такого можно взять только неожиданной атакой. Как в прошлый раз.

А третьей попытки никто мне не даст.

Огромным усилием воли я улёгся обратно и глубоко вздохнул, пытаясь успокоить ритм сердца. Нет ничего хуже, чем ждать, но меня не зря прозвали Тихим. Я совсем не герой в сияющих доспехах, мне по душе рациональный подход.

Пусть Шон проводит свои манипуляции; он потратит силы и войдёт сюда, не ощущая опасности, а там посмотрим.

Лишь бы Солнечный успели эвакуировать...

Длинноволосый вернулся через полчаса, вытирая взмокший лоб. Никакой ненависти я к нему не испытывал, только сожаление. Мне было действительно жаль этого парня, запутавшегося в собственном всесиии.

Однако, улавливать эмоции для него было не нужно. Он узнал о моих приготовлениях до того, как прикоснулся к дверной ручке – я это отчётливо почувствовал.

– Ну, что ж, – вздохнул социопат-волшебник. – Раз ты так решил...

Он спокойно переступил через порог, не выпуская заветного шара из рук. И тут я понял, что не могу пошевелить даже пальцем. Хотел резко вскочить, но оказался вдавленным в кушетку неведомой силой буквально до самого каркаса. Будто бетонная плита сверху упала вместо одеяла.

– Неплохо, – цокнул языком Шон. – Ты оказался умнее остальных.

– Мне это часто... говорят, – прохрипел я через силу.

– Очень жаль, что мы не нашли общего языка, столько времени впустую...

– Зачем ты...

Договорить я не успел. Невидимое давление возросло до боли в костях. Дышать стало невозможно, а в голове гулко застучала кровь. Чувство опасности хранило безмятежное

молчание, будто я в посёлке консервы на рынке выбираю, а не задыхаюсь от нехватки воздуха. Неужели конец?

Шон стоял рядом и участливо наблюдал, как я сопротивляюсь неведомой силе, давящей на тело. Как же, не наслаждается он убийствами...

Но тут в дверном проёме мелькнул чей-то силуэт, который я едва рассмотрел за красной пеленой, застилающей глаза. Парень извернулся за долю мгновения до того, как арбалетный болт должен был пробить ему затылок, и шарахнул в сторону двери ветвистой молнией.

Плита пропала. Наплевав на боль во всём теле сразу, я приподнялся и метнул зажатый в руке нож, вложив в этот бросок все оставшиеся силы. Увернуться от него у чародея не было шанса.

Но Шон, уловив моё движение, успел напоследок вскинуть руку, и в меня ударила давешняя искорка, пронзив грудь раскаленным прутom боли. Мышцы свела судорога, как от удара током, а перед глазами заплясали разноцветные круги.

Спустя три мучительных вдоха я понял, что жив, – мёртвым наверняка не бывает так больно. Кое-как сполз с кушетки прямо на пол – почему-то организму показалось, что именно там ему станет немного легче. Грудь болела нестерпимо, но сознание понемногу прояснялось. Первая рациональная мысль о том, что я всё-таки попал, раз других попыток меня убить Шон не предпринял. Но почему я ещё жи-

вой?

Пришлось посмотреть вниз, хоть было и страшно. Вопреки ощущениям, обожжённой дырки размером с кулак не обнаружилось – однако крестик, подаренный Марией, даже не расплавился, а просто испарился, оставив на коже глубокий ожог в форме распятия. Интересно, какова была вероятность, что эта чёртова искра попадёт именно в него?

А вот волшебнику повезло куда меньше. Нож по самую рукоять вошёл в него аккуратно в области сердца – Злата, обучавшая меня метанию, по которому она являлась КМС, осталась бы довольна. Липкая лужа под худым телом разрасталась с каждой секундой, и никаких признаков жизни Шон не подавал. Как и признаков возвращения с того света.

– Херня твоя магия.

Я сплюнул на тело кровавым сгустком, скопившимся во рту.

Из-за дверей послышался сдавленный стон моего спасителя. Его костюм из материала, похожего на фольгу, обуглился от сильного разряда, видимо, приняв на себя основной заряд молнии. Ударь в меня такая, и никакой крестик бы не спас. Рядом валялась конструкция, напоминавшая корону, с витками разноцветной проволоки по периметру. Занятная штука, если учесть, что ни я, ни Шон не почувствовали приближение незваного гостя.

– Коля, ты мне так и не ответил, из какого ты объединения?

– Это неважно... – через силу улыбнулся эксперт бледными губами. – Когда у Немезиды выходной, мы работаем на подмене...

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Разберись с даром Пандоры...

– Интересно, как?

Но Николай уже потерял сознание. Будь у меня аптечка – плюнул бы на всё и попытался помочь, а так...

Шар закатился под ближайший верстак, откуда его пришлось доставать с помощью совка. Теперь, когда чёртов артефакт оказался у меня в руках, я смог рассмотреть его поближе. Цветные пятнышки хаотично перемешивались на поверхности, притягивая взгляд не хуже спирали гипнотизёра. Шар оказался довольно увесистым и холодным на ощупь, будто горный хрусталь.

Однако, стоило его коснуться, как по руке побежало приятное тепло, обожжённая грудь почти перестала болеть, тело наполнялось силой и... мощью. Казалось, что по плечу любая задача, нужно только захотеть...

Одним усилием воли я расширил границы чувствительности, накрыв ею весь город. Я был вездесущ и незрим, это чувство опьяняло сильнее любого алкоголя. Пустые улицы, парки, аллеи... Ещё одно усилие, и я вижу осаждённый посёлок, окруженный беснующимся морем мёртвой плоти. Эвакуация ещё не закончилась, вертолёты должны вот-вот подойти. Андрей, как всегда, оказался на передовой – припав к раска-

лённому пулемёту, поливает свинцом наступающих зомби и тихо матерится сквозь зубы. Возле него, как ни странно, Рафик с «Сайгой», прикрывает от особо ретивых упырей, вскарабкавшихся на высокую стену. В нескольких местах мертвяки уже прорвались, их пытаются сдержать огнём с борта ЗИЛа, который мечется по Солнечному, будто эритроцит в зараженной крови...

Мария единственная не принимает участие в обороне – она тихо сидит в своей комнате и молится. За Калину, Злату, Николая... За меня.

«Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы на сопротивления даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим...» – голос девушки прозвучал в голове так, будто она стояла за спиной.

Резкая боль в груди грубо возвратила с небес на грешную землю. Я обнаружил себя сидящим на корточках, обхватив проклятый шар обеими руками. В общем, дурак-дураком.

Тело ломило так, будто я всю ночь разгружал железнодорожные вагоны, а наутро пробежал пару десятков километров. Эта штука, похоже, питалась исключительно силами оператора. Мне и так досталось, а эта встряска едва не отправила в обморок.

– Нет, Шарик, хватит людям мозги морочить. Со мной этот фокус не пройдет.

Я тяжело поднялся и завернул артефакт в первую попавшуюся тряпицу. Ударить по нему молотком? Вряд ли неве-

домые создатели сделали его настолько хрупким, но поблизости, к счастью, находилась машина, которой глубоко чихать на крепость материала. От слабости подгибались колени, но идти было недалеко – всего-навсего на первый этаж.

– Знаешь, Шарик, а ведь здесь работал мой дядя, до того, как ты попал в руки бедняге Шону. Дядя всегда старался помочь людям... Его укусила инфицированная женщина, мы тогда ещё не понимали, насколько это серьёзно...

В излучении шара появились тревожные нотки. Может, он и не был разумным, но инстинкт самосохранения у него явно присутствовал. Надо же. Я добрёл до лестницы и, крепко держась за поручень, начал спускаться вниз.

На первом этаже гулял ветер, пробираясь через разбитые окна. Всё вроде на месте, только кран-балку кто-то сбросил с полозьев, придавив несколько зомби. Мерзко воняло тухлятиной.

– Я всё не понимал, как Он мог допустить такое – гибель стольких людей. А оказалось, мы сами во всём виноваты, как всегда... И ты, Шарик, тоже виноват.

Распределительный щит оказался прямо под лестницей. На то, чтобы пустить напряжение на нужную линию станков, ушла всего пара минут, но я чувствовал – нужно спешить.

– А вот и наша красавица, – поведал я артефакту, приблизившись к нужному агрегату. – Электрогидравлический пресс-молот, гордость завода. Ты не смотри, что машине уже пятый десяток, мощности у неё через край.

Со стороны улицы начал нарастать раздражённый клёкот-шипение. Я торопливо забросил шар в приёмник, закрыл заслонку и запустил цикл. Машинный зал наполнился басовитым рокотом, заглушая все остальные звуки, а массивная плита медленно поползла вверх.

– Прощай, Шарик. Зря тебя откопали.

Через широкие оконные проёмы в цех принялись влезать первые упыри. Их медлительные собраты толпились возле ворот, пытаясь протиснуться в щель между створками. Между тем, пол под ногами завибрировал от мощи, которая сейчас должна обрушиться на проклятый артефакт.

Остановить этот оживший осколок прошлой эпохи было очень сложно. Кабель, питающий пресс, шёл через толщу бетона, а чтобы повредить механизм, нужно вскрыть металлический защитный кожух. А это особенно трудно, когда оператор станка категорически против.

Я подхватил с пола кусок арматуры поувесистей, выдохнул, и впервые за полгода прошептал:

– Отче наш, иже еси на небесах...

* * *

Пулемёт бессильно лязгнул и замолк. Андрей ругнулся, сжав обожжённую ладонь в кулак:

– Коробку, я пустой!

– Больше нет, – констатировал позади сержант Володько

и протянул заряженный автомат.

– Трындец. – Рафик лихорадочно сменил магазин. – У меня тоже последний.

– Крайний, – поправил Петрович и срезал упыря короткой очередью.

– Где же эти чёртовы вертушки... Неужели не прилетят? Говорил я, нужно было колонну снарядить...

– Смотрите!

Над городом медленно разгоралось ослепительно-белое зарево.

– Вспышка справа! – заорал Андрей, спрятавшись за мешками с песком.

Только там он сообразил, насколько глупо поступает. Раз боеголовка рванула в черте города, ударная волна дойдет сюда через несколько секунд, тогда и бетонный бункер не поможет. Рядом плюхнулся Рафаил с перекошенным от ужаса лицом.

– К-к-как же так, они в-ведь обещали...

«Что делать, если рядом с вами рванула ядерная бомба?» – неожиданно всплыло в голове.

«Повернуться туда и посмотреть напоследок, когда ещё такое увидишь!»

Лидер посёлка усмехнулся и устало прикрыл глаза. Сияние нарастало с каждой секундой, проникая даже сквозь плотно сомкнутые веки. Андрей хотел прикрыть лицо ладонью и с удивлением увидел кости запястья, окруженные тём-

ной каймой плоти, прямо как на рентгеновском снимке. Сбоку стонал Петрович, выглядевший сейчас как пособие для студентов-медиков.

– Вот и всё, – вздохнул Андрей и удивился, насколько чётко прозвучал его голос.

Сияние, между тем, резко пошло на убыль, и веки вновь стали непрозрачными. Дышалось по-прежнему легко, а он, по идее, уже должен выплёвывать собственные лёгкие. Ему ли это не знать...

Андрей подождал ещё немного и открыл слезящиеся глаза. Цветные зайчики проморгались не сразу, но зрение всё-таки частично вернулось, чего в принципе не могло быть при таком мощном излучении. Первым делом мужчина взглянул в сторону города, ожидая найти на его месте вспухающий ядерный гриб, но увидел лишь чистое вечернее небо.

– Я уже умер? – робко поинтересовался Рафаил, поднимая голову.

– Не надейся, – отмахнулся от него Андрей, замороженно смотря на защитную стену посёлка.

Несколько мертвяков успели преодолеть её, воспользовавшись замешательством защитников, и теперь лежали бесформенными кучами костей и стремительно гниющей плоти. Потянуло мерзким запахом разложения.

– Батя, это вышка, – прохрипела рация. – За периметром тихо. Что это творится с упырями?

– А хрен его знает, – честно ответил Андрей. – Похоже,

нам всем дали второй шанс.

Он улыбнулся и порывисто перекрестился.

– Спасибо тебе... Тихий.

Эйфория

ОТ АВТОРА: Рассказ родился под одноимённую песню, резко и с размаху, буквально за несколько дней. На сезонном конкурсе «Хочешь мира – готовься к войне» он уверенно вошёл в ТОП-10, однако, я так и не смог его куда-нибудь пристроить. Пусть будет здесь.

* * *

– Повторить? – в очередной раз спросил меня услужливый дроид-бармен.

Вздохнув, я кивнул и в который раз посмотрел на смарт-напульсник. До отлета оставалось грёбанных пять часов. Будь проклята местная система обслуживания! Ну почему нельзя сразу отдать целую бутылку? Никуда я не убегу с ней, точнее – не улечу с обшарпанной барной стойки. Здесь сейчас для меня самое лучшее место в целом клубе.

Потому что – гравитация.

Позади меня, окруженные яркими голограммами, плавали молодые (и не очень) идиоты, наслаждающиеся невесомостью. Конечно, можно сказать, что пара часов свободного падения никак не отразится на их здоровье, но... Во-первых – меньше пяти-шести часов тут никто не кувыркается, заба-

ва-то новая и еще не успела приесться, а во-вторых, мало кто делает это на трезвую голову. Механический бармен это как на духу подтвердит.

Влив в себя очередной микроскопический «дриньк», я понял, что пора менять дислокацию. Напиться все равно не получится, а вот поспать – очень может быть. Расплатившись поддельной кредиткой за выпивку, я направился к выходу. Увеселительное заведение совсем не оправдало своего громкого названия «Эйфория».

По пути меня обогнали два дюжих лысых охранника, волочивших под руки тощего парня с разбитым в кровь лицом. Отлетался, орёл. Еще и скалится.

Что характерно, улыбка у него была счастливая – будто не нос себе сломал, а в лотерею миллион кредитов выиграл. Ну точно, обдолблен, по самые брови. На что только не идут эти ребята, чтобы словить очередную дозу кайфа...

А ведь скорее всего это клерк какой-нибудь – одет прилично, да и лицо обременено печатью интеллекта.

Возле выхода толпилась куча народу – здесь, похоже, сегодня аншлаг. Я представил, как буду пропихиваться наружу через это столпотворение, и повернул вслед за охранниками. Направлялись они в сторону помещений для персонала, а там, по логике, должен быть запасной выход.

Меня заметили, когда проносили парня через открытые створки гермодвери.

– Чего тебе? – пророкотал один из гориллоподобных, пе-

регораживая вход.

– Выйти отсюда живым, – я показал на толпу позади себя. – Не хочу быть затоптанным.

Охранник смерил меня насмешливым взглядом, хмыкнул и пропустил внутрь. В комнатке оказалось еще трое его сородичей – все как на подбор лысые, высокие и накачанные. У нас, вообще-то, запрещена евгеника, но готов побиться об заклад, что эти ребята вылезли из одного инкубатора. Помимо них в служебном помещении находился молодой парень в медицинском комбинезоне, осматривавший тела на полу с помощью простенького сканера.

Вот именно тела, по-другому не скажешь. Четверо мужчин, одна женщина лет тридцати – все лежали, улыбаясь неизвестно чему, и пускали слюни. Что ж, отдыхать можно по-разному, надеюсь, скоро очухаются.

Мне указали на выход, и я уже собирался было уходить, но увидев лицо парня-медика, осматривавшего давешнего «орла», невольно притормозил. С такой гримасой отчаянья провозжают родственников в последний путь, а не кровь из носа останавливают. Подозрительно как-то...

– Эй, что тут у вас? – спросил я эскулапа.

– Вы доктор? – спросил он с надеждой в голосе.

– Конечно, – не моргнув глазом соврал я, присев рядом. – Что с этим парнем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.